

МОЯ ЖИЗНЬ

Воспоминания в свободной манере

Виктор Кон

ЧАСТЬ 1. СВЕРДЛОВСК

Предисловие

Я взялся писать про свою жизнь после знакомства с книгой Михаила Ковальчука, точнее, с той ее частью, в которой он написал про себя. Она была опубликована к его 65-летию в бумажном варианте. Ковальчук – личность известная как большой организатор науки в России. Мы с ним какое-то время были в близких отношениях, и в его воспоминаниях что-то написано про меня, но не подробно. Другим моим другом был Костя Кикоин, он тоже уже много всего написал, и все это очень интересно читать. И я решил, что было бы здорово записать свои воспоминания про наше время. Это время ушло, сейчас все по другому. Тем более будет интересно тем, кто про это время не знает. А кто знает, вспомнит свое. Я решил взять за основу стиль, каким Казанова записал свою жизнь. Он сделал акцент на сексуальных отношениях и этим прославился. Я про секс подробно писать не буду, а стиль рассказчика, который просто перечисляет события своей жизни, мне понравился. Здесь представлена первая часть: детство, отрочество, юность. Я первоначально все записал всего за несколько дней, но потом несколько раз дополнял и исправлял ошибки и неточности. Итак, я начинаю. (Май 2012 года)

Родители

Я родился в смутное военное время, в 1944 году, когда все было непросто и это простое время оставило на мне отпечаток на всю жизнь. Мои родители оказались в Свердловске, моей родине, чисто случайно, в результате эвакуации. Отец, Герман Исакович Кон, родился в Румынии, где у него была очень большая семья, с многими братьями и сестрами. Сколько даже точно не знаю, так как никогда их всех не видел. Родился он 13 мая 1919 в поселке (теперь городке) Ботошаны в Бесарабии недалеко от границы с Молдавией. Жили они хорошо, весело и в достатке, так он рассказывал. Перед войной, в 1940-м году, советские войска заняли эту территорию и так он оказался в СССР.

А потом, во время отступления его вместе со всеми эвакуировали через Одессу и Кавказ в Среднюю Азию, а оттуда на Урал, в Свердловск. Это было путешествие, полное ужаса, но иногда возникали и интересные моменты, о которых он рассказывал. Я запомнил такой. Когда они приплыли в Геленджик, то на набережной стояли столы, на которых была выложена всякая еда для эвакуированных. Уже тогда было решено Геленджик сдать, а добро все равно пропадало. Вообще я заметил, что в тяжелые времена люди чаще ведут себя благородно и заботятся об окружающих.

Отец подавал заявление в армию, но его не брали по двум причинам: еврей и иностранец, значит не благонадежный. Поэтому он был работником тыла. А поскольку у него было неплохое образование, то ему удалось сделать карьеру. Он работал главным бухгалтером 3-го треста столовых и ресторанов, у него был кабинет и штат простых

бухгалтеров, все женщины. И ему дали неплохое жилье. Конечно в бараке, как всем эвакуированным, в то время в городе было очень много барачков. Но у нас был отдельный вход и три комнаты. На фоне своих соседей мы жили в лучших условиях. Ну а с питанием вообще не было проблем. Конечно у нас был сарай с дровами, мы топили печку, туалет был на улице, все как у многих в то время.

фото. 1. Слева моя мать, справа отец, а в середине я. Снимок сделан, наверно, в начале 1945 года, война еще не окончилась, но фотографии умели делать так, что до сих пор сохранилась.

Мать Александра Григорьевна Старухина была сиротой с детства и росла фактически в чужой семье. Она родилась 9 марта 1921 года в селе Кой, Сонковского района Калининской области, это из анкетных данных.

О ее родителях и ее прошлом я вообще ничего не знаю. Какие-то родственники у нее были, но то ли это были люди из приемной семьи, то ли ее собственные, это так и осталось для меня тайной. Она не любила об этом рассказывать, а я всех родственников принимал как своих и не интересовался деталями. У нее была сестра, которая тоже оказалась в Свердловске и с которой мы часто общались, но так как внешне сестра была никак не похожа на мать, то я всегда считал ее приемной сестрой. Родилась мама в какой-то деревне под Ленинградом, потом переехала в Ленинград и войну застала там, в частности пережила блокаду. Ее спасло то, что она работала продавцом в магазине, поэтому паек ей всегда доставался. Когда блокаду прорвали ее эвакуировали на Урал. Это тоже было жуткое путешествие, но мама была плохим рассказчиком, поэтому я ничего не помню.

Родители жили как все, сажали картошку за городом, квасили капусту, варили брагу на праздники. Детей было двое, у меня есть еще младший брат 1946 года рождения. Пока мы были маленькие мама не работала, сидела с нами, потом устроилась на завод, выдавать инструмент из хранилища, кажется профессия так и называлась "инструментальщица". Ни бабушек, ни дедушек я не видел никаких и никогда, только родители. Родители отца остались в Румынии, а в СССР после войны остались только мой отец и его младший брат, который тоже успел жениться. Остальные члены семьи отца вернулись в Румынию, после войны такую возможность иностранцам предоставляли. Поэтому мы знали только часть семьи отца в виде его младшего брата. Не стоит и говорить, что отец и его брат были очень дружны, хотя брат в Свердловске не жил, он жил тоже на Урале, но в небольших шахтерских поселках, так как был шахтером. Мы часто на лето ездили жить в его семью, на природу.

Отец с матерью жили дружно и все у них было нормально, хотя формально они не были мужем и женой, не расписывались. Но это как-то совсем не отражалось на нашей детской жизни. Сейчас многие молодые живут без оформления отношений, и это стало массовым явлением, а в те годы были совсем другие правила. Я не знаю почему они так делали. Отец был очень осторожным человеком, вероятно боялся ареста, а может и еще какие были причины. Расписались они когда мне было уже почти 20 лет, мама

взяла фамилию отца и тоже стала Кон. Когда конкретно это произошло я не помню, так как это был чисто формальный факт и никак ни на что не повлиял.

У брата отца была более сложная судьба, в том числе он и в тюрьме сидел, но видимо недолго, так как я этот период знаю только по рассказам. Он был дважды женат, у него было двое детей от первого брака и двое – от второго. Его дети – мои ближайшие родственники, хотя живем мы все в разных местах нашей страны и всегда так жили. Только иногда редко ездим в гости друг к другу. Пока отец был жив, он всем писал письма и про всех рассказывал. Умер он в 2000 году в возрасте 81 год и на 9 лет пережил мать. Перед смертью он жил с братом.

Детство и школа, первые семь лет.

На раннее детство я не жалуясь, жил как все, хотя именно в это время произошли события, которые оставили отпечаток на всю мою жизнь. Как и все дети я болел, но однажды заболел золотухой. Как-то ее вылечили, уж не помню, но в ушах остались дырки в барабанной перепонке, в результате которых я стал плохо слышать. Более того, уши часто болели при попадании воды или надуве ветром. В то время лечить этот недуг хирургическим путем не умели, а лекарствами не получалось. Врачи говорили, что пока маленький надо держать уши в чистоте и периодически закапывать в них борный спирт. Что родители мне регулярно и делали. А борный спирт при попадании на рану в ушах вызывал жуткую боль, которую трудно было терпеть. Так под пытками и прошла почти вся моя жизнь. Я до сих пор всегда имею под рукой борный спирт, хотя уже давно им не пользуюсь, так как воспаления прекратились. Неполный слух и часто больные (с реальной болью) уши вносили особенности и в мой образ жизни и в манеру поведения, мне постоянно приходилось учитывать свою неполноценность.

Но это еще не все. Играть нам практически было нечем, да еще в барачном поселке жили в основном люди с низким образованием. Частенько парни кидались комками земли как снежками зимой. Однажды такой комок попал моему брату в глаз. Слава богу, все обошлось без последствий, но от испуга он начал заикаться. А я каким-то образом, без видимых причин, тоже стал заикаться, то ли подражая, то ли под впечатлением. Не сильно, но заметно. У брата это потом прошло, меня тоже лечили на каких-то курсах у логопедов, но у меня не проходило. У меня заикание почти полностью прошло в 54 года и по другой причине. А всю жизнь я заикался. Это не мешало мне говорить, заикание было не очень сильным, просто речь была некрасивая.

Обычно я заикался в ситуациях, когда волновался. И по этой причине очень боялся экзаменов. Но оказалось, что при очень сильном волнении я переставал заикаться, какой-то психический феномен, который я до сих пор не понимаю. Экзамены я всю жизнь сдавал блестяще, только на пятерки и очень коротко. Это хороший пример как иногда минус порождает плюс. Понимая, что я не смогу много сказать, я формулировал ответ так, что самое важное, как теперь говорят, аннотацию, вначале. Более того, я старался формулировать ответ предельно четко и только самое главное. В результате после сказанных двух предложений мне ставили 5 и отпускали. Но об этом потом.

В детстве я был относительно красивым мальчиком, мне нравились только самые красивые девочки, но шансы иметь у них успех были нулевые. По той простой причине, что у меня периодически появлялись прыщи. Опять же не много, в меру, а бывали периоды, когда их совсем не было. Но наличие прыщей естественно красоты мне не добавляло. Интересно, что и этот недостаток остался на всю жизнь и не прошел до сих

пор, хотя конечно прыщей стало меньше, и я уже знаю отчего они возникают. Нельзя есть чистый сахар (варенье), чистую соль (селедку), острое. Но именно это я и любил всю жизнь. А в детстве я даже не понимал, что мне это нельзя.

Если уж говорить о недостатках, то были и совсем непонятные вещи, которым я не придавал особого значения, но которые стали более важными к старости. Иногда вдруг у меня шла кровь из носа, могла неожиданно начать капать на тетрадь прямо на уроке. В бане я не мог долго находиться в парилке, терял сознание и меня выводили нашатырным спиртом. Но все это было очень редко и никак не мешало мне жить. А жил я очень неплохо, несмотря на все недостатки. Благодаря тому, что в семье были очень спокойные и ровные отношения, в школе ко мне относились очень хорошо, хотя я считался евреем по отцу и сам себя таковым считал. Это уже потом я записал в паспорт национальность матери и стал русским. А по фамилии и по физиономии я был нормальным евреем. Но детям это было все равно. Главное, как я теперь понимаю, я был намного умнее и способнее всех своих друзей. Но я тогда об этом не знал. Глядя как ведет себя отец, я тоже старался не влезать ни в какие авантюры, вел себя скромно, старался не выделяться.

И, тем не менее, конечно выделялся и всегда был в элите любого общества. Но всегда на вторых ролях, не первый, а рядом с первым. Я старался держать перед собой громоотвод, снизить ответственность. Говорят, натура человека формируется в детстве. Но мне кажется, что еще раньше. С натурой человек рождается. Хотя вероятно условия детства играли свою роль. Я определенно подражал отцу, который жил в чужой стране, среди чужих людей, в сложное время, и выбрал для себя тактику, которая позволила ему прожить жизнь может быть и без больших побед, но зато и без поражений. Один философ сказал, что и мелкие неприятности могут отравить жизнь, если нет крупных. Эту же мысль можно сформулировать и по другому. Мелкие радости тоже украшают жизнь, если нет крупных. Жванецкий эту мысль выразил еще лучше: счастье – это умение ставить себе только выполнимые цели, например, увидеть туалет и успеть до него добежать.

В школу я пошел в 1951 году. Тогда недалеко от нашего поселка была женская школа, а мужская школа была значительно дальше, примерно полчаса идти пешком. Я хорошо помню здание этой школы и помню, что все там было замечательно. Но из всех событий, происходивших в то время, конечно выделяется день смерти Сталина. Нас всех вывели в коридор, учителя плакали и так вот в торжественно траурной обстановке нам объяснили всю трагедию ситуации. А я тогда даже толком не знал кто такой Сталин, ну рисуют какого-то дядю в букваре на каждой странице, но это просто картинка, так же точно рисуют деда мороза. Но видение плачущих учителей осталось на всю жизнь.

С этим пожалуй может сравниться только экскурсия на Каменные Палатки под Свердловском. Каменные палатки – это остатки каменных скал, сами скалы практически полностью разрушились и их остатки выглядели так, как будто какой-то огромный великан соорудил каменный забор из очень больших округлых валунов, каждый величиной с человеческий рост или больше. Таких палаток на Урале много, есть они и в черте города, недалеко от озера Шарташ. Там мой отец однажды сломал ногу. Но самые большие были в лесу и в области, недалеко от станции Исеть и называются они "Чертово городище". Потом я там часто бывал, это любимое место для всех свердловчан. Но первый раз это было грандиозно. Они были намного больше, чем потом. И это была первая экскурсия за город с пешим походом по болотам, завтраком в рюкзаке. Это было знакомство с жизнью. А я отношусь к людям, которые все воспринимают с первого взгляда и именно первое впечатление запоминалось лучше других.

В это время у меня был друг, который жил в относительно большой отдельной квартире на втором этаже двухэтажного деревянного дома. Его родители видимо были какими-то технарями и у моего друга было увлечение выпиливать лобзиком из фанеры разные детали и собирать из них сложные конструкции. Мне тоже купили лобзик и пилки и я стал заниматься этим вместе с ним. Этот лобзик и пилки были у меня весь период жизни в Свердловске. До сих пор помню запах паленой фанеры, который возникает при быстром ее пилении железным лобзиком. Он смешивался с запахом деревянной пыли и производил приятное общее настроение. Работать с деревом очень интересно, хотя это не стало моим увлечением и не имело продолжения. Но я и впоследствии кое-что выпиливал. Так мы выпиливали из фанеры головки клюшек для игры в хоккей. Эти головки всаживались в полость, сделанную в палке и скреплялись мелкими гвоздями, а также обматывались черной изолентой. Такими клюшками было вполне удобно играть в хоккей. Правда они были не очень прочными и часто ломались. Но сделать новую клюшку было нетрудно.

Я редко приглашал к себе домой, все таки барачный поселок производил на многих убручающее впечатление. Вместо этого я часто проводил время в квартирах своих друзей и так сложилось потом в течение всей жизни. Как-то так получалось, что я всю жизнь не создавал ничего своего, а все время пользовался чужим, при этом никогда и никому не завидуя по части материальных благ. Это продолжается и теперь, когда я пишу эти строки.

В 4-й класс я уже пошел в ближнюю школу, она называлась 1-я железнодорожная, что должно было означать, что школа относилась не к городу, а к Министерству железных дорог. Мы жили недалеко от вокзала и весь район был железнодорожным. Но реально она мало чем отличалась от городских школ. С этого 1954 года в СССР стали учить мальчиков и девочек вместе в одном классе. Помню, что я на первом же уроке осмотрел всех наших девочек и отметил двух, остальные для меня сразу перестали существовать. Из этих двух в одну я потом влюбился, но это было только мое личное дело, она ушла из школы после 7-го класса и пропала из поля зрения. Кажется в пятом классе я даже сидел с ней за одной партой, но тогда еще ничего не было.

А потом мы сидели врозь и начался процесс, точнее игра, которую даже сложно описать. Мне нравилось на нее смотреть и я мог смотреть на нее долго. Но в конце концов она это замечала и наши взгляды встречались. И начинался бой. Мы смотрели друг другу в глаза очень долго, никто не хотел уступать. Это происходило на уроках и кроме таких упражнений для глаз больше ничего не было. Впрочем я узнал, где она живет и иногда ходил к ее дому, но виделись вне школы мы очень редко. Конечно она меня тоже отмечала, но странным образом. Ближе к концу, в 7-м классе она первая узнала, что я якобы еврей и часто меня дразнила. Я не обижался, меня вообще удивляет, что почему-то всем другим было все равно. Говорят, что евреев в России обижали. Но я этого не заметил, видимо Урал – это такое место, где их было мало. Звали эту девочку Таня Кругликова. Как звали других уже не помню.

С 4-го по 7-й класс у нас классным руководителем была Пелагея Ивановна, женщина очень преклонных лет, заслуженный учитель России. Почему-то она меня сразу выделила, сделала старостой класса и посадила на первую парту. Возможно, как умный человек, она меня таким образом защищала, я так до конца и не знаю. В детстве, да и всю оставшуюся жизнь я был большим оптимистом, очень веселым, хорошо пел и пел часто. Меня от заикания учили так, чтобы я говорил нараспев. А я просто без конца пел и вслух и про себя. Это кстати тоже осталось на всю жизнь. Когда я в квартире один, то я пою вслух, а когда не один, то про себя. Я помню как произвел неизгладимое

впечатление на свою вторую тещу своим пением. Ну и пение хорошо отгоняет плохие мысли и повышает настроение.

Каких-либо ярких воспоминаний из этого времени не осталось. Вероятно главной задачей этого времени было просто есть, пить и расти любой ценой. Пожалуй будет интересно рассказать про жизнь в пионерских лагерях. Пока мы были совсем маленькие, мы ездили к дяде в "деревню". А потом отец стал брать путевки в пионерские лагеря. Самый первый лагерь у меня был, когда я был еще совсем маленький, даже не пионер. Мы жили, точнее спали в больших палатках, внутри которых стояли железные койки в два ряда.

И вот однажды, гуляя в лесу, я вдруг увидел на земле перочинный ножик. Для ребенка моих лет это было неслыханное богатство, я был потрясен находкой, но решил никому ничего не говорить, это мое личное дело. Ножик положил под подушку, но видимо он оттуда выпал. И вдруг я захожу в палатку, а мой сосед с радостным криком бежит с моим ножиком, который он нашел между нашими кроватями. Я не знаю этого парня и что с ним было дальше, найти ножик между кроватями невозможно. Это либо мой ножик, либо его. А раз он его нашел, значит вариантов нет.

Но я не сказал, что это мой ножик, я решил, что будет лучше, если я с ним попрощаюсь. До сих пор не могу понять почему я так поступил, расставаться с ножиком было ужасно жалко, но бороться за него я не посчитал нужным. Сосед явно был дебил и наживать себе врага я не стал. Хотя эпизод запомнил на всю жизнь, вероятно тогда впервые проявился мой внутренний голос, который мне постоянно что-то запрещал, потому что желание было сделать как раз наоборот.

А потом, когда я был постарше, были другие лагеря, был бесконечный футбол и другой спорт и возможно именно в лагерях я стал спортсменом. Мне это было интересно, даже интереснее учебы. Я любил футбол, лыжи, отец смастерил в сарае стол для пинг-понга и научил нас с братом играть. Сам он когда-то был чемпионом города Ботошаны по пинг-понгу и очень хорошо играл. К учебе я тогда вообще относился очень просто, как к чему-то обязательному, но не очень сложному. Мне хватало объяснений на уроках, домашние задания я практически не делал, по этой причине отметки были разные, даже и тройки иногда. Хотя реально я был уверенный хорошист. К отметкам тоже был совершенно равнодушен, так как все мои друзья учились еще хуже. Поэтому не было смысла стараться.

Однажды на уроке физкультуры нас приставили к шведской стенке и велели сделать угол ногами. К своему удивлению я совсем не смог поднять ноги. Это была проблема и ее надо было решать. Я стал систематически делать упражнения для развития пресса и в конце концов довел этот процесс до такой стадии, что мог держать угол очень долгое время. Взамен у меня появился в меру упитанный живот, и долгие годы всем казалось, что он растет. Я постоянно как бы худел лицом и рос животом. На самом деле ни то, ни другое не происходило, но тем людям, которые меня долго не видели, так казалось. Отсюда я сделал вывод, что память о человеке часто исправляет его небольшие недостатки и человек запоминается в лучшей форме, чем он есть на самом деле. А когда с ним снова сталкиваешься, то реальность всегда оказывается хуже того образа, который остался в памяти.

Тем не менее, была одна нить в это время, которая мне впоследствии помогла. Наш классный руководитель одновременно была учительницей русского языка. И она часто проводила олимпиады по грамотному письму. И я неизменно на них побеждал и полу-

чал награды в виде книг с надписью учительницы. Мне не особенно нравился русский язык как предмет, но как-то я чуть ли не интуитивно понял его логику и практически всегда писал грамотно. Сейчас я читаю послания многих людей в соц. сетях интернета и удивляюсь как упала грамотность. Практически 90% всех людей пишут совершенно безграмотно, а многие даже свой язык придумывают сокращая и коверкая слова. Про употребление английских слов без перевода я даже не говорю. Лично я предпочитаю просто писать по английски, но некоторые любят именно писать русскими буквами английские слова. Например, "шаровары" вместо "shareware".

Язык меняется очень быстро. Я в принципе не против, но нужно чтобы все говорили одинаково, а если каждый говорит на своем языке никого нельзя понять. Правда за долгую жизнь у меня тоже появилась странность. Я часто употребляю слова, которые как бы следуют логике языка, но реально таких слов в языке нет. А в школьные годы я знал меньше, читал мало и при этом грамотно писал, вот такой парадокс. Вероятно сказалась моя особенность чтения, но об этом лучше написать потом, эта особенность очень сильно мне помогала в университетские годы.

Пелагея Ивановна выпустив наш класс вышла на пенсию. Жила она одна и кое-кто из наших ребят ей помогали. Но раз в году она собирала у себя в комнате весь класс, мы пили чай с кренделями и рассказывали как живем. Нам было интересно увидеть тех, кто от нас ушел. Там я еще пару раз видел Таню. Помню, что после 8-го класса она посмотрела на меня совсем другими глазами, так как я вырос на 10 сантиметров за год и стал выше ее. А до этого был ниже ростом и вообще мальчишки в этом возрасте растут медленнее девочек. Эти встречи продолжались несколько лет, но почему то ничего другого интересного вспомнить не могу.

Мой отец всю жизнь был заядлым картежником, не игроком, который ставит на кон весь свой капитал, а просто любил играть в карты, бесплатно или на малые деньги. Не знаю откуда у него возникла эта страсть, но она сопровождала его всю жизнь. Однако партнеры не всегда были, и как только мы с братом стали хоть что-то понимать он научил нас играть в карты. Причем во все игры, включая преферанс. Мы были как раз в таком возрасте, когда для развития ума карты вполне были полезны.

Однако, наигравшись в карты еще в детстве, я потом никогда в них не играл. С одной стороны, я как бы знал что это такое и любопытства не было. С другой стороны, мне просто было жалко времени на такую примитивную игру. И, тем не менее, я тоже всю жизнь играл, только игры у меня были другие. Я решал задачи, искал ответы на вопросы, которые сам себе задавал. А когда у меня появился персональный компьютер в 1994 году я много лет играл в одну единственную игру Тетрис, эксплуатируя свою быструю реакцию. До это тоже был компьютер и другие игры. Я и сейчас играю практически каждый день. Но пожалуй все таки самой интересной игрой для меня было решение проблем, самых разных, от бытовых до научных.

Школа, последние четыре года.

Период с 8-го по 11-й классы был более важным и это уже была настоящая жизнь, часто самостоятельная. В ней было много и хорошего и плохого, хотя все плохое в конечном счете тоже оборачивалось мне на пользу. Прежде всего, важно, что к нам в школу стали ходить дети из Пионерского поселка, в котором вроде как семилетка была, а вот дальше уже нет. Им ходить в нашу школу было далеко. Пионерский поселок начинался через железную дорогу от нашего барачного поселка. Дорога была утоплена в овраг и

через нее был всего один мост, по которому ходил трамвай. Впрочем это все и сейчас есть, может дома другие стоят, а железная дорога никуда не денется. По ней от нашего поселка можно было быстро прийти на вокзал. А наш поселок назывался улица Азина, дом 1-А. И к этому дому были приписаны пара десятков барачков.

Наш класс стал 8А, а их класс – 8Б. Ребят из соседнего класса мы знали поначалу плохо, но была у них одна очень красивая девочка, которую сразу все отметили. А я по привычке теперь стал смотреть на нее. Тани больше не было, была Ира Стеблова. Эта привычка разглядывать людей в упор, особенно красивых девушек, осталась на всю жизнь. И даже через много лет некоторые слабонервные из них показывают мне знак, что я спятил, крутя пальцем у виска, когда я на них смотрю. Почему-то некоторые девушки, ловя на себе чужие взгляды, воспринимают это как приглашение. Но многие просто делают вид, что не обращают внимания.

Ира тоже делала вид, что ничего не происходит. Впрочем скоро нам предстояло познакомиться. Меня по традиции избрали в комитет комсомола школы от нашего класса. Я уже не был старостой, но как-то все привыкли, что меня надо куда-то избирать. Ее тоже выбрали, и вот на заседании комитета мы уже и встретились по делу. Надо было выбрать председателя. И я чисто спонтанно предложил ее. Не думаю, что это ей понравилось, но мое предложение все поддержали. Очень выгодно иметь в начальниках красивых девушек. Им многое прощается и многое дается легче, чем остальным.

Я к тому времени уже был большой спортсмен в школе. Входил в сборную по лыжам и по волейболу, а также был чемпионом школы в беге на 800 метров. Соревнования по бегу у нас проходили любопытно. Сначала выпускали Б-класс, и у них был один человек, который на полкруга обгонял всех остальных. Потом выпускали наш А-класс и картинка повторялась, только впереди в одиночестве бежал я. А между собой нас судил только секундомер. Я бегал быстрее. Кстати по этой причине я не боялся многочисленной шпаны и один раз даже мне это очень хорошо помогло. Я с легкостью убежал от большой шайки хулиганов, которые решили нас наказать в чужом районе. Даже и повод вроде был. Мы приехали на какой-то вечер в чужую школу, одетые как стилиаги, и пользовались популярностью у местных девочек. Для хулиганов этого достаточно.

фото. 2. Левый снимок был сделан в фото-ателье, у профессионалов. Правый снимок – любительский и зимой. Вот в такой одежде я и ходил в старших классах школы.

Помню также, что я часто ездил в разные школы в составе сборной играть в волейбол на первенство то ли района, то ли города. А для соревнований на лыжах мне в школе даже выдали одну пару клееных лыж высокого качества, которые тогда очень дорого стоили. Ну

и вторую пару лыж попроще для тренировок. Но я не ходил в нормальную спортивную школу. Поэтому выше третьего взрослого разряда по лыжам в беге на 10 км не поднимался. Но это тоже было неплохо для школьника.

У меня с детства была очень хорошая реакция, поэтому меня в эстафетах всегда ставили на первый этап, и в беге и на лыжах. И я выскакивал со старта раньше всех, но потом меня догоняли и часто заталкивали до падения. На беговой дорожке я один раз сильно поранился из-за этого, похоже была откровенная подножка, пришлось бежать домой к ученице, которая жила рядом со стадионом. В молодости все было впервые и эта процедура, когда меня, как раненого, бойца санитарка спасает от смерти запомнилась на всю жизнь.

Коньками я специально не занимался, но около вокзала был неплохой стадион Локомотив, и там каждую зиму заливали каток. Мы очень часто туда ходили, хоть нам это было и не так уж близко, минут 20 идти пешком. Каток был местом сбора друзей и знакомых, там играла музыка, было светло, хулиганов тогда на катке не было, в общем царил праздничная атмосфера. В результате я хорошо научился кататься на коньках и даже мог делать кое-какие прыжки, ну и играть в хоккей. Это умение осталось на всю жизнь, хотя потом я перестал регулярно кататься. А через много лет мы с женой Наташей купили роликовые коньки и иногда катаемся на них по асфальту в красивых местах Москвы.

Еще я умел неплохо рисовать и любил это, поэтому на мне висели все классные и не только стенгазеты. Этому я тоже нигде не учился, все самостоятельно. Я вообще никогда не любил посещать какие-то кружки. Впрочем были исключения: я посещал школу балльных танцев при Дворце Пионеров и литературный кружок, но об этом чуть позже. Со школьных лет я усвоил как несправедливо устроен мир. Чем больше человек умеет, тем больше его нагружают, а кто не умеет ничего и не хочет учиться – его не трогают, ведь это хлопотно с ним возиться и неприятно. Впрочем впоследствии я сам пользовался этой теорией делая плохо сознательно те дела, которые мне делать не хотелось. Все работало как надо и больше меня о таких делах не просили.

В старших классах учеба проходила стандартно, как у всех, и ничего особенного в этом плане не запомнилось. Я очень легко понимал химию, но она мне не очень нравилась. Я очень любил черчение, но понимал, что чертить я не буду, это мелко. А с математикой вообще было просто, ее я вообще не учил. У нас была интересная учительница математики, которая в начале урока сразу давала задачу, кто решит – получает пятерку. Вот я и занимался тем, что решал задачи, а уроки я не слушал. В конце урока, решив очередную задачу, я получал очередную пятерку и к концу года у меня пятерок было в несколько раз больше, чем у всех остальных. Забегая вперед скажу, что это меня чуть не подкосило при поступлении в университет. Физика мне тоже нравилась. Этот предмет был немного выделен, потому что новым класным руководителем у нас была женщина, именно преподаватель физики. О выборе профессии я поначалу не думал, а в конце были проблемы. И все же учеба не дала никаких сильных впечатлений и каких-либо интересных событий, связанных с учебой, я не помню.

А вот жизнь за пределами школы была очень интересной. Помимо спорта было и другое. У нас сложилась дружная компания из особо продвинутых людей в классе и мы часто собирались после школы. Поначалу мы ездили на велосипеде по всему городу компанией человек 8, то есть солидный отряд. А на широких асфальтовых полях, особенно перед Политехническим Институтом играли в вело-футбол. Велосипед у меня был по важной причине и вот по какой.

Отцу дали заветные 6 соток на участке кооперативного сада. Машины, естественно, у нас не было, а туда надо было не только ездить, но и кое-что возить. Поэтому были куплены велосипеды и мы с братом научились на них виртуозно кататься. Ведь дорога

в сад проходила через город и была не близкой. С этим садом было больше мучений, чем удовольствия, ездить нам туда не хотелось, заниматься сельским хозяйством тоже. Кончилось это тем, что через наш сад проводили теплотрассу и она как раз проходила по нашему участку. Отцу выплатили компенсацию, и наш участок у нас забрали. И никто не был против.

Но мы также хотели острых ощущений, поэтому частенько пробивались на институтские вечеринки, предварительно распив бутылку водки в каком-нибудь подъезде прямо из горлышка. Никто не напивался, просто для храбрости. Проводили внутрь зданий нас по-разному, то у кого-то был старший брат – студент, то просто знакомые, а то знали черные ходы. Ясно, что с парадного входа нас не пускали. Иногда наша компания объединялась с другими компаниями, которые не всегда были такими, с которыми стоило общаться.

Один раз меня бесплатно угостили каким то наркотиком, даже не знаю что это было. Я это нормально переварил, но хорошо запомнил, он действовал достаточно сильно, причем несколько дней. Это было уже позднее, когда мы ездили на мотоциклах. Я сидел на заднем сиденье, и меня надо было как-то держать, потому что у меня начисто отбило чувство страха и ответственности. Как известно, первые впечатления от наркотика всегда самые сильные, но если не продолжать, то и последствий нет. Я не продолжал.

В те времена наркотики были очень большой редкостью, не то, что теперь. Впрочем в любые времена каждый получает то, что заслуживает. В другой раз я попал в компанию, которая решила приставать к прохожим и издеваться над ними. Мне это не понравилось и я сделал так. Как только вожак пристал к первой девушке, я подошел к нему и сказал, что это моя хорошая знакомая и лучше я ее провожу домой. Он отпустил и ее и меня. Девушка тряслась от страха и не знала что ей делать. Я объяснил, что случайно оказался среди этих негодяев и ничего плохого ей не сделаю. Но проводить ее домой не получилось. Оказалось, что она живет как раз в том районе, где меня чуть побили, но я убежал. Точнее один раз хорошо ударили, а потом уже не получилось. В результате я посадил ее на трамвай и больше никогда не видел.

Мы также часто ходили на танцы в небольшой парк в центре города. Он назывался сад имени Вайнера и находился недалеко от здания филармонии. Возможно он и сейчас есть. Там была главная танцплощадка города, на которую надо было покупать входной билет. На этой танцплощадке играл живой духовой оркест, а в перерывах крутили пластинки. Танцы тогда были очень необычные. Парень приглашал девушку, они проходили в центр площадки, а потом обнимались так, что кости хрустели, прижав щеку к щеке. И так, под музыку, едва передвигаясь по чуть-чуть, и проходило это почти сексуальное действо. Главная проблема была в том, что ничего нельзя было держать в карманах брюк, все мешало.

Много лет спустя я видел какой-то американский фильм про те времена и обратил внимание, что там тоже так танцевали, это была какая-то всемирная мода. Поразительно, что в те времена, несмотря на все запреты, у нас многое в области моды и нравов делалось также как в Америке. Информация приходила по разным каналам и быстро становилась правилом для всех.

Однажды летом, кажется перед 9-м классом, мы решили заработать денег на мотоциклы. Мы и до этого зарабатывали в праздники тем, что принимали телеграммы. Это была интересная работа. На почте нам давали бланки и какие-то пропуска и мы хо-

дили по разным организациям и предлагали отправить поздравительную телеграмму прямо на рабочем месте. И многие соглашались. С каждой телеграммы нам полагался какой-то процент. Но это были маленькие деньги.

Чтобы заработать большие деньги мы устроились по знакомству в геологоразведочную партию бурильщиками. Без знакомства нас бы не взяли, а так и нам польза и нашей организации, наверняка нам не доплатили, а мы были согласны на все. Работа была тяжелая, но интересная. У нас была машина-грузовик, был шофер и был геолог. И мы ездили по разным деревням и бурили вручную небольшие скважины, чтобы взять пробу грунта. Бур надо было просто крутить, но толкая со всех сил.

Интересно было с питанием. Мы останавливали машину около какой-то деревни перед этим поймав курицу в какой-то стае, они все паслись без присмотра. Разжигали костер, варили эту курицу и ели. Однако среди нас был один парень, его звали Саша, я с ним в то время был более дружен, чем с остальными. Так вот он был вегетарианец, и в принципе не ел мяса никогда. А кроме этой курицы ничего не было. И ему приходилось ходить пешком в ближайший сельский магазин за хлебом.

На этих куриц мы охотились часто и разными методами. Я так и не помню научился я скручивать им шею или нет. Но однажды ради смеха я бегал за ними и кидал в них топорик. К счастью ни одной курицы убить таким способом мне не удалось, но тогда мне это казалось интересным. В молодости чего только не попробуешь. Ходили мы и на сельские вечера, но с девушками договариваться у меня получалось плохо, а силовые методы я отвергал в принципе. Впрочем меня это не очень угнетало. Что такое оргазм я знал, а с другой стороны очень боялся получить ребенка раньше времени. Когда время пришло так и получилось, что дочь появилась с первой попытки, и это уже было удачей. У моего брата дочь получилась только после 5 лет жизни в браке.

Кроме геологоразведочной партии мы с Сашей работали также на заводе Уралмаш, отбивали окалины со сварных конструкций. Тоже работа не квалифицированная и достаточно тяжелая. Но в молодости все было интересно. В результате деньги были заработаны и ребята купили мотоциклы. А я в последний момент вдруг понял, что не хочу этого, не мое это. И купил себе черный выходной костюм с жилеткой. Очень шикарный костюм, который мне пригодился, а жилетку я использовал аж до 60 лет, пришил к ней внутренний карман и вывозил в ней большие суммы заработанных денег из-за границы. Это было очень много лет спустя, может когда-нибудь и об этом напишу.

Итак, наша компания села на колеса, а я ездил с ними на Сашином заднем сиденье, пока это место не заняли девушки. А мне надо было менять друзей. Кстати мой брат все это видел и ему как раз все это очень нравилось. Он не выдержал, бросил школу и стал работать на заводе, на первые же деньги купил себе мотоцикл, сначала плохой и дешевый, потом получше, потом машину, а потом вообще стал работать шофером. Школу он закончил как вечернюю, но знаний она ему не дала. Он прожил жизнь в рамках своего круга, а я поднялся намного выше. Наверно, каждый знает заранее чего он хочет и чего заслуживает.

Итак, кажется в 10-м классе, я понял что надо менять друзей. Для меня это никогда не было проблемой – я мог стать другом любого человека, если бы захотел. А мог и порвать отношения так же просто и легко с одними и начать дружить с другими. Признаться я не помню как я это делал. Я решил дружить с парочкой поэтов нашего класса. Это тоже были по своему уникальные люди. Они просто говорили стихами, но совсем не понимали математики. Они приняли меня в свою компанию и сказали,

что ходят в литературный кружок, там у них очень весело. И я тоже могу ходить, но сначала мне надо написать тетрадку стихов.

Стихами я раньше не увлекался, но все было интересно, а почему бы не попробовать. Надо сказать, что попробовал я вполне удачно, рифмовать у меня получилось, не так быстро, как у моих новых друзей, но методом перебора вариантов я рифмы находил. На том этапе меня больше интересовала форма, чем содержание. Итак, написав за неделю тетрадку стихов, я пошел с ними в кружок. Естественно меня попросили их почитать, я почитал, все поморщились, но меня не прогнали, пропуск в кружок я получил. Кружок был при Клубе Железнодорожников и вела его известная уральская поэтесса, но, каюсь, фамилию я уже забыл. Оказалось что там не только поэты, есть и писатели, причем люди разных возрастов, кто-то пишет рассказы, а был один такой человек, который писал роман и периодически зачитывал главы из него.

Для себя я усвоил, что мне моих друзей в поэзии не переплюнуть. Их звали Юра Бойко и Саша Швирикас. Впоследствии они, как и я, поступили в Университет, но на факультет журналистики и стали журналистами и писателями-поэтами одновременно. Я решил написать рассказ. А чтобы было интересно, чтонибудь из воспоминаний своего детства. В рассказе была история о том, как маленький мальчик сам учился рисовать подсматривая как рисует приезжая художница. Рассказ получился интересным и по сюжету и по манере описания.

Его все похвалили, а затем в газете Гудок целая страница была посвящена творчеству кружка, и мой рассказ занял на этой странице 3/4 площади. Один экземпляр этой газеты я долго хранил у себя, но так как мне приходилось много раз пережечь, то в конце концов он все таки потерялся. Ни сканера, ни интернета тогда не было и восстановить потерю невозможно. Разве что просмотреть подшивку этой газеты за 1961 год, если она где-то сохранилась. Таким образом, среди моих публикаций самая первая была по литературе, а не по физике.

От своих друзей поэтов я узнал и запомнил на всю жизнь абсолютную рифму

*Слышен свист и вой локомотивей
Дверь лингвисты войлоком обили*

Иногда они мне предлагали такую игру: я говорил произвольную первую строчку, а они тут же, моментально, добавляли в рифму вторую строчку. У меня так не получалось. Я тоже мог придумать рифму, но на это уходило намного больше времени. Причину я сам понимаю так, что я мало читал и вообще мало думал о поэзии. У меня были и другие интересы, в частности, рисование, спорт. Также я любил читать книги по архитектуре.

А вот писать сочинения мне было не трудно. Я всю жизнь, с детства разговаривал сам с собой, выдумывал какие-то тексты и играл какие-то роли. Поэтому при переходе на звук или на бумагу все уже было готово. Я думал, что все так поступают, но оказалось, что нет. Но это знание пришло намного позже. В течение всей последующей жизни я придумывал стихи только в качестве поздравлений по любому поводу. Самое последнее начиналось так

*Время быстро пролетело, снова взялись мы за дело
Прочь забавы, нам опять надо Сашу поздравлять*

Саше тогда исполнилось 10 лет, это внук моей второй жены. Стихотворение было большим и после него я уже ничего не написал. Точнее, перестал писать, так как постоянно не хватало времени на разные компьютерные проекты.

Если говорить про рисование, то меня никто этому не учил. На уроках мне было скучно, так как я все быстро понимал, а обучение был рассчитано на тугодумов. И я занимался тем, что срисовывал портреты из учебников. И постепенно научился срисовывать так что даже было похоже. А однажды я заболел, сидел дома один и от нечего делать решил нарисовать автопортрет, срисовывая свое изображение в зеркале. Получилось неплохо и меня даже можно было узнать. Вскоре меня навестили мои друзья поэты. Они похвалили портрет и попросили себе на память. Я отдал. Через некоторое время я выздоровел и пришел в школу. И к своему удивлению увидел свой портрет на стене класса, а под ним некролог, написанный поэтами в стихах. Возможно я бы и забыл эту историю, но один из учеников, увидев меня, вдруг спросил: "как, разве ты не умер?". Это было настолько парадоксально, что запомнилось.

После окончания 8-го класса неожиданно появилось решение Хрущева о совмещении учебы с работой на заводе. Я попал под этот каток и в результате учился не 10, а 11 лет. А с 9-го по 11-классы мы два раза в неделю ходили на завод, где были приставлены учениками к рабочим и там шла своя учеба. Я выбрал себе специальность слесарь-лекальщик, она мне казалась более творческой, чем точить болванки на токарном станке. Мой учитель был адекватный мужик, все было замечательно, отношения нормальные. Я в основном что-то пилил напильником, иногда работал на шлифовальном станке и в конце концов получил удостоверение о пригодности к работе слесарем-лекальщиком. Но мне это не пригодилось, хотя я и не считаю, что просто так потерял год. По крайней мере я побывал в шкуре простого рабочего и увидел, что такое работать на заводе. Впоследствии эту систему снова отменили, как неэффективную. Но мне вот так повезло.

Если уж говорить о впечатлениях и воспоминаниях, то наиболее сильные переживания я испытал от своих отношений с Ирой Стебловой. В эти годы я ходил в школу очень охотно просто по той причине, что снова ее увижу. Много позже наш начальник, академик Каган, повторяя академика Ландау, говорил, что мужики делятся на красивистов и душистов. Первым нравится в женщинах красота, вторым – душа. Я был стопроцентный красивист. Меня не интересовал секс и вообще телесные общения. Я не говорю, что это плохо, это очень хорошо, но меня просто приводила в экстаз женская красота. Для меня смотреть на красивую женщину было много интереснее любого кино и спектакля. Тем более, что не всегда такие женщины оказываются рядом.

Ира была почти рядом. С 9-го класса мы оказались в одном классе. Она сидела за партой вместе со своей подругой, а я постарался и занял место в следующем ряду сбоку от нее. Но на уроках нельзя общаться, а на переменах вокруг нее все время крутились парни, а я не любил толкаться локтями. Я уже тогда был одинокий волк, индивидуалист, каким и остался на всю жизнь. И в соответствии с этими принципами я узнал из учительского журнала ее домашний адрес, и в один прекрасный день пошел к ней домой. Меня никто не приглашал, даже намеков не было. Учитывая, что она мне сильно нравилась, я очень робел. Каждый шаг к ее дому мне давался с огромным усилием воли, сердце колотилось на полную мощность, но я все таки дошел и позвонил в дверь.

Она меня впустила, у нее была хорошая квартира в каменном доме, папа был майор, и видимо у них там были свои резервы. У нее была своя комната. В этой комнате мы с ней мило беседовали много раз, потому что за первым разом были и другие. Я не помню как так получалось, но видимо я был хорошим рассказчиком и вообще интересным мальчиком, я легко и быстро устанавливал отношения со всеми. Ира, к счастью, была не только красивой, но и умной и всегда адекватно оценивала любую ситуацию. Об

этих наших особых отношениях никто в школе не знал, в школе все оставалось по старому, вокруг нее все время крутились бойкие парни.

Меня еще поразило то, что бывая у нее дома, я однажды увидел ее мать, а потом и фотографию ее младшей сестры. И они были еще более красивые, чем сама Ира. Это была какая-то порода высочайшей пробы. Вероятно Ира чуть походила на отца и немного отличалась. Я не знал, что мне делать. С одной стороны можно было усилить отношения, с другой я был не готов к этому. Я понимал, что мне рано, у меня другая судьба. В этих сомнениях, я все таки сделал попытку и в один из приходов, сказал ей заветные слова про любовь. Она отвернулась к окну, на ней была кофточка с голой шейей, я подумал, что надо подойти и поцеловать ее в шею. Но внутренний голос, который мне все время что-то запрещал, опять взялся за свое.

Наконец она повернулась и спокойно рассказала, что у нее уже давно есть жених, он не учится в нашей школе, они познакомились через родителей, и скорее всего она за него выйдет замуж в свое время. Вопрос был снят раз и навсегда, мы остались друзьями. Мне снова повезло, так как будущее было свободным для подвигов. Впоследствии я даже видел этого парня, она меня с ним познакомила, просто так получилось, что я пришел к ней, когда он тоже был у нее. Он вел себя с ней очень свободно, кидался предметами и давал волю рукам. Но и она вдруг стала совсем другой. Такой же раскованной и свободной. В школе она вела себя очень корректно, соблюдая дистанцию между собой и всеми остальными.

Собственно это наблюдение послужило еще одним аргументом в пользу моей теории, что не бывает плохих и хороших людей. Отъявленный бандит может для кого-то быть самым добрым человеком на свете, а добрый человек может сделать зло при определенных обстоятельствах. Человек – это многогранник, и к каждому другому человеку он поворачивается какой-то одной из своих многочисленных граней. И часто бывает трудно увидеть все грани сразу, каждый судит о человеке только по своему опыту и проецирует его на других, при этом совершая ошибку.

С Ирой мы остались друзьями и после школы. Я продолжал к ней ходить и когда был студентом, а потом я уехал в Москву и последний раз случайно встретил ее в магазине Электроника на Ленинском проспекте. Мы очень хорошо поговорили, я ей рассказал, что живу в Москве, женился, стал ученым, она сказала, что несколько во мне не сомневалась. Сама же она оказалась в Москве проездом из Сочи, где отдыхала, дело было в конце лета. Больше мы не виделись.

Интересно, что похожая встреча состоялась и с Таней Кругликовой, но проходила она по-другому. Уже учась в аспирантуре в Москве, я часто летал в Свердловск к родителям. И однажды в пустом переулке она вдруг неожиданно появилась идущей мне навстречу. Я ее конечно сразу узнал, хотя прошло много лет. Вероятно она меня тоже, но сделала вид, что не узнала. Я ей подыграл и мы прошли мимо, даже не поздоровавшись. Пустяк, но я вижу ее в той сцене всю жизнь. Как будто на пленку записалось и все время прокручивается. Память странная штука, она почему-то запоминает не всегда то, что реально требуется. А про сны вообще сложно что-то сказать. Мне до сих пор, через 40 с лишним лет, иногда четко, как наяву, снится наш барачный поселок, которого уже много лет не существует. Я до мелочей помню его весь и много эпизодов, связанных с жизнью в нем. Обо всем не напишешь, точнее написать можно, но тогда придется отложить все другие дела.

Был еще один интересный эпизод. Однажды мы с моим вторым другом Вадиком из

мотоциклистов по его инициативе купили путевки в пеший поход по Уральским горам. Это был мой первый поход, еще не самостоятельный, а организованный, но ведь мы были детьми. Все было как полагается, мы ходили по интересным местам, таскали рюкзаки и все было как у всех. Но, как всегда, интересны детали. В этом походе, я впервые перенес на руках девушку выше меня ростом через ручей, я впервые разжег костер под дождем для приготовления завтрака, и я познакомился с одним парнем, это знакомство мне потом помогло.

Сначала про костер. У нас были дежурства, и каждый день кто-то должен был вставать раньше других и готовить завтрак. Настала моя очередь. Я вылез из палатки, а в лесу идет дождь. Тем не менее разжечь костер у меня получилось, уже не помню что я для этого делал, но нас тогда учили. А парень был как все, нормальный. Это потом я узнал, что он главарь большой хулиганской группировки. И через какое-то время я однажды попал в их лапы, не помню уже за какую провинность. Меня отвели к главному, это был он, он меня узнал и отпустил, даже пообещал защиту, если что-то будет не так. Но больше со мной никаких неприятностей не случилось.

В это же время у меня произошел нетипичный случай на алкогольной почве. Я был хорошим пионером, и из пионерского времени научился быть всегда готовым. По этой причине я после каждого тоста всегда честно выпивал, все что мне наливали, а потом оказывалось, что перебрал. Тогда вообще много пили, но я никак не мог научиться определять свою меру. Но однажды на Первое мая я превысил меру многократно.

Дело было так. Компания у нас была дружная и праздники мы отмечали все вместе. Но были проблемы с жильем. Однажды мы купив все необходимое пошли по заранее обговоренному адресу, но там вдруг изменились обстоятельства и девушки нас не пустили. Мы остались без комнаты и без девушек. Тогда кто-то вспомнил про свою бабушку, живущую в низкой деревянной хибаре, и мы решили идти туда. Не хватало музыки и девушек. Кто-то пошел искать девушек на улице, для нас это не было проблемой, а я с Сашей пошел к моей тетке, которая жила недалеко, за патефоном.

Пока мы ходили у них пир уже шел горой. И девушки были и комната была. Мы устроили музыку, а потом решили выпить по штрафной, чтобы догнать остальных. Молодо – зелено, ни ума ни опыта, но с толку сбило еще и то, что все спонтанно и бегом. Мы налили по стакану водки и выпили без закуски. Но хмель не приходил, не знаю почему. Через какое-то время Саша меня спрашивает – ты как, я говорю, трезвый. Тогда мы налили еще по стакану и снова выпили.

Дальше все помню четко. Я танцевал с девушкой, похмелье пришло мгновенно с большой скоростью. Я отвернулся от девушки, вышел из дома во двор, голова кружилась все сильнее. Я сделал два шага и потерял сознание, упал на камень и разбил лицо. Через какое-то время, мои друзья поэты меня хватились, нашли во дворе, подтащили к водокачке, кое как привели в чувство, и потом буквально на руках дотащили до дома. Поставили у стенки и позвонили в дверь. Мама увидела меня с разбитым лицом, едва стоящим на ногах, и ужаснулась. А я попросил не говорить папе и пошел спать.

После этого эпизода я три года не мог пить вообще ничего. Мне становилось плохо даже при виде человека, поднимающего рюмку. И вообще на всю жизнь тяга к спиртному была отбита. Это было не очень удобно, в брежневские времена без выпивки нельзя было сделать ни одного дела, и я потихоньку учился выпивать заново. Но организм понял задачу и с чувством меры все стало нормально, после определенного количества

алкоголь в меня просто не шел, сразу возникали позывы на рвоту. Поэтому я эту задачу для себя решил вот таким странным способом.

Так как мне все было интересно, то надо сказать еще, что я по полгода ходил в две секции: самбо и бокса. Секцию самбо вел один парень прямо в нашем школьном спортзале, и за полгода просто научил нас правильно падать. Эта наука мне потом помогла, когда я пару раз очень хорошо упал, катаясь на горных лыжах. Хотя падение со стороны казалось ужасным, я никак не поранился, потому что автоматически все правильно сделал. А в боксе у меня особых успехов не было, я вообще драться никогда не любил и старался до этого ситуацию не доводить.

В школе было еще много всяких событий, в частности, космические события, полет Гагарина и вся эйфория вокруг него. Была самодеятельность, в которой я обычно выступал с сольным пением песен, я уже писал выше, что пел я хорошо, и слух и голос у меня были, но ноты я не знал. Родителей это не интересовало, да и меня тоже. Интересно, что я покупал себе гитару, пытался научиться сам, но не получилось, потом меня пытался научить один парень из нашего класса, которого мне приставили, чтобы я его подтянул, так как у него были плохие отметки. Но и он тоже играть на гитаре меня научить не смог, как я не смог заставить его учиться. Мою гитару они в конце концов поломали, и на этом все закончилось.

Университет

Ближе к концу школы ребром встал вопрос: куда идти учиться. В писатели я точно не хотел, хотя мне говорили, что у меня получится. В конце концов я выделил три направления: архитектура, математика и физика. С архитектурой меня беспокоило то, что я все таки непрофессионально рисовал, я был самоучкой и боялся, что завалю рисунок. В конце концов все решила наш класный руководитель, преподаватель физики. Как-то мы случайно разговорились в коридоре школы, и она спросила как мои дела с выбором профессии. Я ей сказал, что никак не могу выбрать из трех. Тогда она мне объяснила, что архитектуры как таковой в СССР нет, математика очень абстрактная и практически уже никому не нужна. А в физике, при желании можно найти очень много математики. Это меня убедило, я решил поступать на физический факультет университета.

Интересно, что через много лет она каким-то образом узнала мой московский адрес и написала мне, спросила – помню ли я ее. Я ей ответил, что не только помню, но и очень ей благодарен за выбор профессии. Она уже была на пенсии и видимо мой ответ ее растрогал, не так много среди ее учеников было докторов наук. Она прислала мне сувенир в виде книги, сделанной из камня, на Урале любят делать сувениры из камня. Эта книга все время стоит у меня на видном месте, но сам я совершенно не знал что ей подарить, да и вообще я в этом отношении очень черствый человек. Точнее мой суперрационализм не принимает телячьи нежности в виде цветов, поздравлений, подарков и так далее. Я готов общаться по делу, а нет дела – нет и общения.

Итак, решение было принято, окончание школы прошло без каких-либо приключений. Я одно время очень стеснялся, что не умею танцевать вальс. И как я буду себя вести на выпускном вечере. Но и эта проблема давно была решена, я с моими друзьями целый год ходил во Дворец Пионеров в школу бальных танцев и выучил не только вальс, а главные движения всех танцев. Поэтому все прошло нормально и ничего не запомнилось. Готовится к экзаменам в Университет мы с моими друзьями поэтами

решили в деревне. Поехали в какую-то деревню, там у кого-то остановились, и на травке учили предметы.

Я решил хорошо выучить теорию математики, а решение задач не готовил совсем. Я ведь неплохо решал задачи в школе. Вернувшись из деревни накануне экзаменов, я узнал, что задачи будут из задачника Антонова. Я его раздобыл буквально в последний день перед экзаменом и попробовал решить задачу. Не получилось, попробовал вторую, опять не получилось, и так далее. За весь вечер я не смог решить ни одной задачи. Наша учительница давала задачи из другого задачника, более простые, а для этих задач нужно было знать алгоритм, способ рассуждений. Узнать было уже поздно. Подвела учительница, деревня, и все сложилось против меня.

В паническом настроении я пришел на первый экзамен по письменной математике. И с ужасом увидел те самые задачи, которые я не смог решить накануне. Но отступить было некуда, наступил момент истины. Я стал очень напряженно думать, и в конце концов мне удалось решить две задачи из 4-х и начать третью. Для меня это было, можно сказать, первым подвигом в моей жизни. Мне поставили тройку, и я был спасен. На этом экзамене отсеялось 70% поступающих. Все, кто его сдал, дальше шли без конкурса.

Я спокойно сдал остальные экзамены на 5, кажется английский на 4, и был 18-м из 100 в списке поступивших. Признаться я не понял зачем они это делали, задачник явно был не школьный, и видимо расчет был на то, что школьники его не знают, вот пусть и проявят умение мыслить. Однако, кто-то просто знал про это, и заранее подготовился. Но я оказался среди неподготовленных. Итак, не без труда, но я все же поступил в Университет.

В те времена было принято студентов сразу посылать на уборку картошки в деревню. И первый месяц мы провели в деревне. Вместе со мной из нашего класса поступили пять девушек. Мои друзья поступали в другие вузы и не все удачно, но мои поэты все же тоже поступили, и тоже с трудом, но по другой причине. Они вообще не понимали математику, я потратил много времени на их подготовку по математике, потому что такой экзамен у них был. Не такой сложный, как у нас, но был. Каким-то чудом они его проскочили.

Мои девушки были мне хорошими подругами. К их компании присоединилась очень активная евреечка Тома Кацнельсон, которая сразу сказала, что нам нужны представители во власти и что они проведут меня в Комитет Комсомола. Я не очень понимал что за условия здесь, но как пионер был на все готов. Тома была удивительной личностью. При зрении -6 она ходила без очков, постоянно влипала в какие-то истории и потом очень живописно про них рассказывала. Но мне нужны были друзья.

С первых дней в колхозе я стал присматриваться с кем приходится иметь дело. В конце концов я выбрал трех парней из другой школы, они выглядели умнее остальных. Я быстро втерся к ним в доверие и стал четвертым в компании. Это были Костя Кикоин, Володя Шур и Гриша Миньков. Впоследствии мы все четверо стали докторами наук. Я поначалу даже не знал, что у Кости дядя известный академик, а у Шура папа – член корреспондент АН. Вова и Гриша были больше технарями, а Костя интересовался также и гуманитарными предметами. Картошку мы собирали по двое на одну корзину, так что естественно получилось, что Вова работал с Гришей, а я с Костей.

Во время сбора картошки мы с Костей обсудили все мировые проблемы и хорошо подружились. Костя был намного образованнее меня и много читал разных книг. Я

же читал мало, но у меня была своя манера чтения. Я читал медленно и за один раз высасывал из текста все, что там было написано и что не было, точнее было написано между строк. Поэтому КПД моего чтения был стопроцентным, а многие читали в 10 раз больше, но усваивали один процент из прочитанного. Кроме того, я привык из каждого факта делать выводы. Я все время думал, в любой обстановке и в любое время. Задавал себе вопросы и искал на них ответ. В результате у меня была своя оригинальная точка зрения по любому вопросу, и Косте это было интересно. С другой стороны он с удовольствием читал мне лекции по конкретным фактам, которых я не знал.

Когда началась учеба, то мне пришлось трудно. В школе я был недостаточно подготовлен, потому что вообще мало учился, а теперь за это приходилось расплачиваться тем, что быстро наверстывать упущенное. Трудностей я не боялся, я учился с утра до вечера, даже начал разговаривать во сне, но сдать первую сессию на все пятерки не получилось, одна четверка у меня была. Только со второй сессии я стал сдавать экзамены на все пятерки. К концу первого курса я уже не отставал от моих новых друзей в успеваемости, и у нас был хороший настрой на учебу, мы часто сами себя проверяли кто что знает и не знать чего-то считалось позором. Наша компания быстро стала самой заметной на курсе, потом к нам присоединились Витя Белиничер и Володя Любимов, тоже отличники. Гриша Миньков неожиданно подружился с Лидой Эдельштейн из моих одноклассниц, так что Лида тоже попала к нашу компанию. Были и другие интересные ребята: Вова Захаров, Витя Морозов.

Теперь о проблемах. Я сразу понял, что надо учиться, и на все другое времени не хватит. Но была и другая проблема. В университете не было военной кафедры, а меня сразу на первом курсе призвали в армию. Тогда отсрочки от армии на учебу не давали. И тут снова минус превратился в плюс. Я не прошел медкомиссию из-за своих больных ушей, меня забраковали и отпустили. А многие парни с нашего курса исчезли и появились вновь через два года, но снова на первом курсе. Что касается моих друзей, то они учились в десятилетке, были на год младше меня и у них призыв был на год позже. А в следующем году у нас открыли военную кафедру, которая освобождала от службы, точнее служба проходилась во время учебы.

Освободившись от армии, я решил сразу освободиться и от спорта. Взял у врача справку и попал в группу для неполноценных. Там я развлекался как мог, но мне не надо было сдавать зачеты и меня не имели право включать в какие-то сборные. А Вова Шур профессионально играл в баскетбол практически всю учебу и даже после нее. В Университете были более старшие студенты из нашей школы, и они, зная мои способности, решили включить меня в Университетский хор.

Хор у нас был знаменитый, гастролировал по стране и за рубежом. Я пришел, руководитель хора меня проверил на слух, все нормально, поставил в строй. Я не знал нот, нужно было выучить. Но через два занятия я понял, что это не для меня. Я одинокий волк, и в хоре петь не люблю, как и ходить строем. Я отказался. А что касается комсомольской работы, то мне что-то поручали, я что-то делал, но мне это не было интересно, поэтому я ничего не помню. Кажется на втором курсе меня уже переизбрали, и на этом моя комсомольская деятельность закончилась.

Костя говорит, что я научил его писать стихи. Я этого не заметил, но на практических занятиях мы часто писали стихи наперегонки на заданную тему. У обоих получалось неплохо. Но я потом это занятие забросил, а Костя стал писателем и поэтом, членом Союза писателей Израиля. Это у него такое хобби после работы доктором физ.-мат.

наук. Он издал несколько книг стихов и рассказы о своих родственниках и не только.

В то время я дружил со всеми, и с мотоциклистами, и с поэтами, и с Костиной компанией. Школа кончилась, но дружба осталась. Правда на всех времени не хватало, так что все было по чуть-чуть. Я также ходил к Ире в гости и рассказывал ей свои истории. К сожалению, а может и к счастью, среди своих однокурстниц я не нашел для себя никого. Были хорошие подруги и некоторые может быть и хотели бы дружить персонально, но я не хотел пить воду после водки. Экстаза не было. Наверно я в начале учебы все-таки больше времени проводил с поэтами, они нашли себе пары среди студенток, у этих студенток были подруги, так что на временные отношения кто-то находился. Но ничего неординарного не происходило, рассказать не о чем.

На первом курсе я продолжал жить в бараке, а Университет был относительно далеко. Я стал ездить на трамвае. Но на нашу остановку трамвай приходил уже битком набитый и ездить можно было только десятым на подножке. Я так поездил какое-то время и однажды сорвался с подножки. Рука устала выдерживать давление и отцепилась от перила. Я упал на дорогу на большой скорости. К счастью была уже осень, я был в пальто, а дорога была скользкая от грязи. Я прокатился по дороге как по смазанному столу и совсем не ушибся. Машин тогда было мало и под колеса я тоже не попал. Поднявшись я пошел домой, так как перемазался грязью так, что идти в университет в тот день было невозможно. После этого случая я больше никогда на трамвае не ездил, а ходил в университет пешком все пять лет учебы. Это занимало примерно час времени, но я ходил с удовольствием, понимая, что вариантов нет.

Когда я был на втором курсе, отец получил новую квартиру в центре города, на улице 9-го января, в купеческом двухэтажном доме. Дом был разделен на квартиры, бывшие хозяева жили на втором, деревянном этаже, там были большие комнаты, туалет и водопровод. Прислуга жила на первом каменном этаже. Нам дали две комнаты 20 и 28 метров на втором этаже, небольшую кухню с печкой, которая уже не работала и большую веранду. К тому времени водопровод уже сломался, и его никто не починил, но туалет работал, только без слива.

В комнатах были кафельные печи от пола до потолка для отопления, те самые, какие рисуют на картинах художников 19-века. Однако еду мы готовили на керосинке, так как нормальной печки для готовки еды не было. Купцы готовили еду в другом месте, на первом этаже. Из этой квартиры я уехал в Москву, брат получил свою квартиру и когда родители остались вдвоем, они ее обменяли на однокомнатную квартиру в хрущевской пятиэтажке. Там уже были все удобства и ванна. Новая квартира находилась от университета примерно на таком же расстоянии, как барачный поселок, так что я продолжал ходить пешком, но уже через центр города, самую красивую его часть.

Сейчас на месте нашей улицы сделали проспект Ельцина, застроили его высотными домами и этот район стал самым современным и самым красивым в городе. Но я всего этого уже не видел, точнее могу увидеть в интернете, могу даже приехать и посмотреть, но все не хватает времени.

Пожалуй самое интересное в эти годы было связано не с учебой, а с походами, хотя, конечно, на учебу тратилось очень много времени. Зимой наша компания вливалась в более многочисленную компанию, которую организовывала одна пара, боюсь напутать имена. В пятницу вечером, мы выезжали на электричке за город и при свете луны шли по лыжне до землянки, которая кем-то была вырыта, и ее местоположение держалось в тайне. В землянке была печка и лежак. Там мы ночевали, а на следующий день по

горам делали переход километров 30 до следующей землянки, в которой был второй ночлег. А в третий день выходили к другой станции электрички и на другой ветке. Катались и по целине и по лыжне, все время по горам. Это были потрясающе интересные прогулки. Бывало, кто-то ломал лыжи и даже много лыж ломали, но я сам так и не сломал ни одной пары.

А один раз мы собрались на неделю в каникулы на Южный Урал зимой. Там землянок не было, мы спали в палатках, которые ставили прямо на снег, наваливая под палатки еловые ветки. Чтобы было теплее спали так, что было много человек в одной палатке, все лежали плотно прижавшись. Это уже был экстремальный туризм и на повторение таких подвигов духу не хватило. Тогда с нами были девушки Лида Эдельштейн и Люба Рыжик, им было тяжелее всех. Реально мы все были не очень подготовлены к такому переходу, но все обошлось без последствий, никто не заболел.

Учился я по стандартной методике, в каждый семестр выбирал один или два главных предмета, которые учил основательно, остальные просто сдавал. Это означает вот что. За три дня подготовки перед экзаменом медленно и один раз прочитывал учебник и шел сдавать, зная ответ на любой вопрос. После сдачи экзамена через пару месяцев я снова все забывал. Я уже говорил, про свою особенность чтения. Читая медленно, я привязываю все факты к каким-то меткам, выстраиваю их в какую то цепочку и хорошо запоминаю, но на короткое время, пока новая информация не выталкивает старую. Все даты по Истории КПСС я выписывал на шпартгалку, и вообще все факты выписывал. Но пользоваться шпартгалками не было нужды, я все запоминал в процессе записи.

Из всех экзаменов критическими были два, когда пятерку мне приходилось отвоевывать. На остальных мне пятерки ставили быстро и легко. Первый был по истории партии. По каким-то причинам экзамены принимала женщина, не наш преподаватель, а чужой. И у нее никто не мог получить пятерку. Все выходили в растрепанных чувствах, не понимая, что происходит. Надо сказать, что если на первых курсах народ боялся идти первым и меня легко пропускали, то потом опоздавшим приходилось ждать остальных, ситуация поменялась. Когда подошла моя очередь, я быстро написал ответы и стал отвечать.

И вдруг преподаватель говорит: "неправильно". Что делать, я точно знаю что правильно. Я ей спокойно ответил: "давайте я принесу вам учебник и покажу то место, где написано то, что я сейчас сказал". Это не было авантюрой, я действительно мог найти это место. Но этого не понадобилось. Видимо мой уверенный тон ее убедил и она поставила мне пятерку. Может быть одну из двух, так как у нас на курсе была девушка – ленинский стипендиат, а я просто получал повышенную стипендию. У меня не было вариантов – или повышенную стипендию, или никакую. Было так, что простую стипендию платили только тем, кто жил в общежитии, а я жил с родителями. Поэтому у меня был стимул учиться на пятерки.

Второй случай был на госэкзамене по английскому языку. Надо сказать, что язык я знал плохо, у меня вообще плохая память на голые цифры и имена. Я хорошо запоминал визуальную и логические цепочки, а голые данные просто не цеплялись. Я бы быстро выучил язык, если бы применял его на практике, а пассивное чтение никак не помогало. И вот госэкзамен. Наш преподаватель имел низкий уровень и на госэкзамен пригласили стороннего преподавателя более высокого ранга. Мне дали текст для перевода достаточно удачно – эту тему я знал. Но, как назло, я с утра что-то не то съел и у меня разболелся живот. Я боялся, что меня не выпустят в туалет, а в своем состоянии

я не мог отвечать. Но меня выпустили. Я реально приходил в себя, а не пользовался шпаргалками.

Наконец, я вернулся чуть придя в форму и стал отвечать вполне неплохо. Преподаватель тем временем изучила мою зачетку с пятерками и собралась спокойно ставить еще одну. Но наш преподаватель при мне стала ее отговаривать. Она говорила, что я плохо знаю язык, так оно и было, мне просто повезло. Тогда мне предложили перевести без подготовки еще один кусок из газеты. И это опять была неслыханная удача – кусок был посвящен международной переписке школьников. А наша школьная учительница просто бредила этой перепиской, и мы только этим и занимались. Это была единственная тема, которую я знал очень хорошо. Я быстро все перевел и возражений больше не было. Я продолжал получать стипендию, а потом получил красный диплом. Кстати единственный из нашей компании. Ни Костя, ни Вова, ни Гриша не получили красные дипломы. У каждого была хотя бы одна осечка.

Тур-поход в Крым, лето 1964 года.

Во время учебы в университете, точнее летом между курсами, я совершил три больших путешествия с палаткой и тяжелым рюкзаком по разным участкам западной границы СССР. Это было мое первое знакомство с просторами Родины и оставило сильные впечатления, которых возможно хватило бы надолго. В любом случае эти путешествия во многом сформировали мой характер и повлияли на всю остальную жизнь. Первый большой поход состоялся в 1964 году, после второго курса. Инициатором и нашим руководителем был Вова Шур. В компанию входили 5 человек, мы четверо и к нам присоединился еще Витя Морозов. Вите нравилась Надя, девушка из той же школы, что и Вова с Костей, она тоже училась на нашем курсе, была очень породистая, но не очень умная. Через Надю он и к нам был немного ближе остальных.

фото. 3. Снимок сделан в Крыму во время тур-похода. Слева я, в середине Вова Шур, справа Гриша Миньков.

Вова Шур наметил маршрут и даже зарегистрировался в каком-то туристическом агентстве на сдачу зачета и в последующем получение разряда. Для этого мы должны были строго придерживаться выбранного маршрута и отмечаться в определенных местах. Прежде всего надо было собрать экипировку. У меня спального мешка не было, поэтому я его сшил сам из одеяла. Еще в школьные годы я научился шить разные вещи из материи, как иголкой с ниткой, так и на швейной машине, и даже вышивал. Швейная машина у нас была трофейная, немецкой фирмы Зингер, ручная. Мне это было удобнее в том плане, что хоть она медленнее работала, но можно было прошивать на малой скорости фасонные вещи. Мне это дело тоже нравилось, кажется мой дед по линии отца был портным. Но меня конечно карьера портного не привлекала, я шил только для себя.

Итак, мы собрались пройти весь Крым и приключения начались сразу, то есть с покуп-

ки билетов на поезд. В то время достать билеты на поезд в Крым летом было большой проблемой, но мы все хотели сделать сами. В железнодорожных кассах стояли жуткие очереди, которые двигались очень медленно. А мы, не зная этого, оставили эту операцию на последний момент и у нас просто не было времени осаждать очереди. В конце концов я понял, что пора мне применить запрещенный прием. Прямо в зале, где продавали билеты, я стал звонить отцу на работу. Но телефоны тоже работали плохо. Дозвонившись я говорил "Здравствуй, папа но оказалось, что это не папа, а чужой дядя. В следующий раз я спрашивал отца по имени и отчеству.

Так продолжалось довольно долгое время. Когда же я дозвонился, то сказал универсально "Здравствуй, папа, Кон Герман Исакович". Так как мои друзья все это время наблюдали за мной и веселились, то это уже явилось последней каплей и они хохотали минут пять. Поэтому я и запомнил эту сцену. Отец работал в тресте столовых и ресторанов и у него были связи по всему городу. Он мне объяснил куда надо пойти, к кому обратиться и что сказать. Сделав все строго по инструкции, мы наконец достали заветные билеты.

И отправились в путь. Лишних денег у нас не было, поэтому мы купили билеты на поезд, который из Свердловска до Севастополя шел трое суток. Но мы никуда не торопились, у нас было два месяца каникул. Все было замечательно, пока мы не доехали до Волгограда. В этом городе поезд стоял 20 минут. Мы решили прогуляться. Я отделился от всех, вышел из вокзала и бегом добежал до Волги, посмотрел на набережную с колоннами и потом бегом обратно. Бегал я хорошо и все успел. Через 20 минут я стоял у входа в наш вагон. Но увидел только Костю. Ни Вовы, ни Гришы, ни Вити Морозова не было. Что делать. Поезд тронулся, мы сели вдвоем, и поехали, а трое наших друзей остались в Волгограде. Сложность ситуации была в том, что у нас было пять рюкзаков с пищей на пятерых и ни копейки денег. А у них все деньги и больше ничего.

Так получилось, что поезд хоть и медленный, но на следующей станции не остановился. А на этой станции мы увидели наших ребят, прыгающих и машущих руками. Оказывается они решили пообедать в столовой, да так увлеклись этим занятием, что забыли про поезд. Обнаружив, что поезд ушел, они взяли такси и велели гнать на следующую станцию, да так, чтобы обогнать поезд. Им это удалось, но не помогло. Увидев ребят на перроне у нас был большой солбази дернуть стоп-кран, который стоял перед глазами. Ситуация была критическая, все пассажиры уже знали, что наши ребята отстали от поезда. Но дернуть стоп-кран мы не решились, все таки ситуация была не аварийная и не безвыходная.

Дальше мы ехали с Костей вдвоем. Становилось жарко и наша еда начинала портиться, да и много ее было. Помню, что когда мы проезжали перешеек между Азовским и Черным морем, то мы ритуально выбрасывали плавленые сырки то в левое окно, в Азовское море, то в правое окно, в Черное море. А потом мы плыли на пароме через Керченский пролив. Это было грандиозно. Наш поезд сняли с рельс и погрузили на паром. Весь состав. И мы поплыли, а для меня это было первое зрелище моря, ведь на Урале очень красивые горы, но моря нет, а озера не такие крупные, всегда виден противоположный берег. А тут было очень много воды и полный состав поезда на корабле. В Крыму наш поезд снова поставили на рельсы и мы поехали дальше в Севастополь. Возможно на своем пути мы проезжали через станицу Киевскую, Краснодарского края, в которой впоследствии будут жить мои родственники. Сейчас уже нет такого маршрута и поезда ходят по другому.

Приехав в Севастополь, мы выгрузились с пятью рюкзаками и стали думать как нам

дальше жить. Этот поезд ходил каждый день. Было ясно, что ребята скорее всего приедут этим же поездом на следующий день. А день надо было как-то прожить, причем с пятью рюкзаками ходить неудобно. Но, "время быстро пролетело, снова взялись мы за дело универсальное стихотворение, мне оно очень нравится. Особенно интересно мы провели ночь. Было очень тепло, поэтому мы просто устроились на траве в Приморском парке с красивым видом на порт. Тогда народу было мало, милиции тоже было мало и было намного безопаснее.

Как мы и рассчитали, ребята прибыли на следующий день с тем же поездом и инцидент был исчерпан. Было уже поздно и мы решили переночевать в Херсонесе. Доехали на автобусе, разбили палатки и пошли купаться уже затемно. И опять редкая удача. Самое первое в жизни купание в Черном море было и самым лучшим за всю жизнь. Вода светилась при любом движении. Это потрясающий эффект, который редко бывает и который невозможно забыть. Светлячки тоже возбуждают, но какие-то морские мошки, которые светятся при движении – это было ошеломляюще. К сожалению я больше никогда такого не видел. У меня в жизни почему то все самое интересное происходило именно в первый раз.

Утром мы снова сели на автобус и поехали в Бахчисарай. Именно оттуда начинался наш пеший поход по горам всего Крыма. В Бахчисарае нас поначалу интересовал вовсе не фонтан. Первым делом мы нашли чебуречную и попробовали чебуреков. Это было для нас настоящей экзотикой, потому что в Свердловске чебуреков не делали, нигде не продавали и никто про них не знал. Вова зашел в какую-то контору и отметил начало нашего похода.

И мы стали ходить по горам Крыма, по самым интересным местам, строго по маршруту. За плечами 30 кг рюкзак, он надевался на рубашку и куртку, чтобы не натереть рямками мозоли на плечах, а жара стояла жуткая. Поэтому с каждым шагом с носа стекала капля пота. Ходили мы примерно по восемь часов, делая пятиминутный перерыв каждые полчаса. К сожалению, весь маршрут я описать не могу. Помню, что кажется у Черной речки мы встретили еще какую-то группу, похожую на нашу. Были и горы и очень красивые леса. Но самое грандиозное впечатление произвело ущелье Большой Каньон. Мы прошли его по дну, вдоль мелкой речки, которая текла в каменном ложе. Лето уже было в разгаре и река обмелела.

Надо сказать, что именно этот поход приучил меня к всеядности. До этого я не любил есть суп с жареным луком, просто не мог взять в рот. А в походе ребята готовили только так и вариантов не было. Приходилось есть, а учитывая и зверский аппетит, все проходило нормально. А потом постепенно пришел вкус к любой еде, любые каши и любые овощи, фрукты. Мы также научились парикмахерскому делу и сами себя стригли. Один раз мы вышли на дикое абрикосовое поле, точнее сад, но без забора и никем не охраняемый. И абрикосы были спелые. Самое интересное, что в то время ставить палатку в любом месте было безопасно, по крайней мере, так казалось. Пешие походы были в моде, потому что машин было мало.

А закончили мы пеший поход выйдя на гору Ай-Петри со стороны материка. Как водится, посмотрели восход солнца и потом спустились на побережье, кажется, в Симеиз. Далее нам предстояло познакомиться с морским берегом. Из поселка в поселок мы перемещались, то на катере, то на автобусе. На ночлег размещались в своих палатках на пустырях за городом. Мы осмотрели Ялту, Ботанический сад, Алушту, но везде были недолго. После Алушты мы доехали на автобусе до поселка Рыбачий и там на небольшой площадке посередине высокого берега разбили свой лагерь на две недели

или больше, уже не помню по дням. Этот поселок был удобен тем, что в то время берег моря около него еще был дикий. С другой стороны, в поселке был магазин с продуктами и ходить недалеко. А площадка, как единственная ступенька на лестнице была идеальным местом для стоянки. И вроде не у самой воды, и в то же время все море, как на ладони.

Именно там Гриша меня приучил выкуривать сигаретку перед сном. Там это происходило в темноте с видом на лунную дорожку в море. А потом оказалось, что работая допоздна, я не мог прогнать мысли и уснуть. И обнаружил, что сигарета отбивала все мысли и была хорошим снотворным. Но в конце концов это привело меня к атеросклерозу, как я думаю. Я вообще в жизни мало курил, бывало, что и вовсе один раз в день, но этот один раз был как раз перед сном. А там мы с ним сидели, глядя на ночное море, и балдели от удовольствия. Там мы загорели, накупались и потом двинулись дальше. На автобусе проехали в Судак, побродили по городу, но уже не было таких уж впечатлений, все начинало надоедать. Из Судака доехали до Феодосии, ее тоже посмотрели. И из Феодосии отправились назад, но не все. Костя поехал в Харьков, у него там были какие-то дела.

В Феодосии был интересный для меня момент и тоже впервые. Мы приехали поздно, но искать место для стоянки и ставить палатки не хотелось. Тогда мы пошли на вокзал и легли прямо на полу в зале ожидания, используя рюкзаки как подушку. Именно там я впервые провел ночь на вокзале. Надо сказать, что в зале ожидания мы были вовсе не одни. Весь зал был забит людьми, все скамейки и весь пол. Так что даже найти место для ночлега было непросто. На вокзале конечно лучше, чем на травке в Приморском парке, потому что есть крыша и не страшен дождь.

В течение всего похода я периодически писал письма домой с подробным описанием всего, что мы видели и где были. По возвращении отец сказал, что было очень интересно читать мои письма, они были написаны как будто профессиональным журналистом. Кажется именно в это время отец наконец понял, что у меня хорошие друзья. А на первом курсе были проблемы, я редко бывал дома, все время просиживал у Кости в квартире, так как у него была отдельная комната и он жил недалеко, в 10 минутах ходьбы пешком.

Отец стал мне выговаривать, что я зазнался, не уважаю родителей и так далее. Его вообще поначалу удивляла перемена в моих успехах. Сам он в университете не учился и очень интересовался моей учебой. После каждого экзамена спрашивал – какая отметка. Я неизменно отвечал, что спрашивать бесполезно, если не будет пятерки, то я сам скажу. Он никак не мог понять как это мне удастся учиться на одни пятерки, в нашем роду это было впервые. Но со временем все прошло. У него гораздо больше проблем было с братом, но это отдельная история.

К сожалению, мои письма из Крыма не сохранились. Я тогда не придавал большого значения письмам, они конечно не выбрасывались, но откладывались в общую кучу, которая воспринималась как лишний хлам. А при переезде от них избавлялись. Это было неидеально, но что было, то было.

После возвращения домой у меня начался период бессонных ночей. Я не написал раньше, но я рано научился фотографировать, еще в школе. У меня были разные фотоаппараты, начиная от такого, который снимал на широкую пленку 6 см, и потом фотокарточки делались контактным способом, то есть без увеличителя. А в то время уже был нормальный фотоаппарат и был увеличитель. Мы засняли большое количество

пленок, которые надо было обрабатывать в темной комнате. А так как такой комнаты не было, все приходилось делать по ночам.

Впоследствии из всего многообразия фоток, полученных за три года (см. далее) я выбрал самые удачные в художественном смысле и сделал их форматом 24*18 кв.см. А затем носил эти фотографии в университет, показывал своим студенткам-одноклассницам, а потом и Ире показал. Всем очень понравилось. В конце концов я купил дорогой альбом для фотографий и приклеил их в альбом. Этот альбом у меня до сих пор стоит на книжной полке, несмотря на большое количество переездов. Наверно я его просканирую и выставлю в интернет.

Я и раньше пытался делать художественные фотографии, но не было фактуры, да и в черно-белом варианте не развернешься. А с этого альбома в моей жизни начался период охоты за художественными фотографиями. Я и сейчас стараюсь искать кадры не просто по принципу – тут был я, а нечто неожиданное. Иногда получается, и вообще мне это интересно. Сейчас все делается в интернете и есть программы анимации с музыкой. Сейчас я выставляю свои альбомы на Яндекс-Фотки, а тогда такой техники не было, зато и аппетиты были поскромнее. Интересно, что с тех пор я больше никогда не был на черноморском побережье Крыма, никогда не был в Волгограде, так что впечатления того года не испортились новыми событиями. Этот вояж на два месяца был единственным в жизни знакомством с Крымом.

Тур-поход по Вуоксе и Ленинград, лето 1965 года.

На следующий год у Вовы Шура были более грандиозные планы на турпоход. Он собирал команду на горный хребет Хамар-Дабан на берегу Байкала. Но к тому времени наша четверка все больше делилась на две пары. Гриша во всем следовал за Вовой, а мы с Костей проводили совместно намного больше времени, чем в общей компании. Костя был более ориентирован на искусство, чем Вова с Гришей, и я Косте в этом плане более подходил. С моей подачи Костя начал писать стихи и рассказы, я же научился у него слушать симфоническую музыку. Мои родители ее не любили и у нас про это никогда не говорили. Костя составил мне список наиболее выдающихся произведений с его точки зрения. Я покупал в магазине пластинку за пластинкой и буквально выучивал наизусть сложные композиции.

В то время на меня наибольшее впечатление произвела американская симфония Дворжака (ее называют то пятой, то девятой). Я ее практически знал наизусть так как слушал много раз. У нас в квартире была радиолa (приемник и проигрыватель пластинок на один динамик), в то время было модно иметь такие приборы. Но она стояла в комнате родителей, где они смотрели телевизор и разговаривали. Моя музыка им мешала. Мне приходилось ставить звук на минимум и приставлять ухо к динамику. Наушников тогда не было. Вторым по значимости для меня был второй концерт Баха для скрипки с оркестром, особенно его вторая часть. Эти предпочтения так и остались на всю жизнь. А третье из моих главных произведений, то есть первый концерт Шопена для фортепьяно с оркестром, я полюбил позднее.

Кроме того, Костя любил живопись и собирал репродукции с картин западных художников на открытках. Я тоже стал это делать, только я собирал и западных и русских. Все это копилось в картонных коробках из под обуви и было разложено по странам, годам, художникам. Был каталог, как в библиотеке, и по каталогу можно было быстро найти любую картину, любого художника. На все это требовалось время и я занимал-

ся этим по вечерам, было очень интересно рассматривать в деталях жанровые сценки старых мастеров и изучать как жили люди в прошлом. Многочисленные религиозные сюжеты приводили к пониманию, что надо изучать историю религии. Это я тоже делал, но по популярным книгам, а не по источникам. Мне просто надо было знать библейские сюжеты.

В чем мы с Костей не совпадали, так это в том, что он, имея абсолютный музыкальный слух, совсем не умел ни петь, ни танцевать. Просто, видимо, никогда не пробовал, а если и пробовал, то видимо ему это не понравилось. Я же все время пытался голосом повторить мелодии симфоний, голоса не хватало, а про себя я мог воспроизводить практически целые произведения. Но зато у нас у обоих был интерес к архитектуре, и вообще в наших разговорах искусство обсуждалось гораздо чаще, чем физика, и, тем более, техника.

Мучиться в диких условиях Хамар-Дабана нам не захотелось и мы не поехали на Байкал. Вова с Гришей набрали другую команду и съездили без нас. А мы с Костей по его инициативе решили заехать в Москву, узнать о возможности перевода в МГУ, а затем поехать на Карельский перешеек и изучить Ленинград. Идея о переводе в Москву возникла еще после первого курса. Дело в том, что Володя Любимов действительно перевелся в МГУ после первого курса. Сделал попытку и Витя Белиничер, но его не взяли, тогда он перебрался в Новосибирск и закончил учебу в НГУ, а затем остался там на всю жизнь. Однако связь с ними у нас была, просто не так часто мы виделись. Мы после первого курса как-то не решились, духу не хватило, а потом решили попробовать.

Итак сказано – сделано. В этот год я впервые попал в Москву. Прямо с поезда, сдав рюкзаки в багаж на вокзале, мы отправились в МГУ на Ленинские горы. В Москве меня больше всего удивили девятиэтажные дома на улицах. Дело в том, что Свердловск был еще в большой степени деревянный город, а новые дома строились только пятиэтажные. Нам объясняли, что Хрущев наложил запрет на строительство домов выше пяти этажей. Мол, в России много территорий и нет смысла строить большие дома, где нужен лифт и, вообще, они дорогие. Самые красивые проспекты в Свердловске были застроены кирпичными пятиэтажными домами с элементами греческих излишеств. А в Москве дома были девятиэтажные, причем было видно, что верхние четыре этажа надстроены над нижними пятью. Высотки меня как раз не удивили, я все знал по картинкам, а вот про это не знал. Я думал, что все города пятиэтажные.

В МГУ нам объяснили, что больше никого не принимают и вообще у нас потом будут проблемы, так что разумно закончить учебу в Свердловске, а потом сами будем решать. Погуляв еще немного по городу, мы провели ночь на Ярославском вокзале, который был самым пустым, на втором этаже. Спать на полу там было нельзя, но на скамейках какие-то места были и в то время никто из вокзала ночью людей не выгонял. Однако мы поступили по-другому. Обнаружили какую-то строительную стремянку с высокой площадкой, какие используются для обработки потолков, залезли на нее и там могли лежать без проблем.

На следующий день мы выехали в Ленинград. Но пока было тепло, долго в нем не задержались, а почти сразу купили билеты в Выборг. Нам спокойно продали билеты и мы поехали. Поезд проходил через Приморск. И там вдруг в вагон заходят пограничники и начинают проверять какие-то удостоверения. Естественно, что у нас их не было. Нас ссадили с поезда и повели в участок, там разделили по комнатам и стали допрашивать, кто, откуда, зачем и так далее. Мы объяснили что едем в Выборг, чтобы оттуда начать турпоход по маршрутам, которые описаны в книге, которую мы купили

еще в Свердловске. В книге про запретные зоны ничего не написано, и мы просто не знали.

Как ни странно, нам поверили и разрешили снова сесть в поезд и доехать до Выборга. Но потом указали откуда мы можем ходить, а куда не можем. Этого не было в туристических справочниках. Таков был советский стиль. Говорилось и писалось одно, а реально все происходило по-другому. Запретные зоны никак и нигде не обозначались, про это надо было получать инструкции устно. Впрочем тогда рассуждать на эту тему нам было не интересно. Мы с удовольствием познакомились с пограничниками, и они вели себя вполне корректно.

Итак мы доехали до Выборга и погуляли по городу. Это было интересно, потому что город был совсем не похож на то, что мне приходилось видеть раньше. Он не был ни русским, ни советским. Однако город оказался небольшой и осматривать там было нечего. Кроме главной круглой башни, которую показывают на всех картинках, там фактически ничего и не оказалось такого, чтобы запомнилось и возбудило. В Выборге мы запаслись продуктами на много дней и выехали на автобусе в поселок, стоящий на берегу Вуоксы. Маршрут у нас был простой, а именно, пройти всю реку до того места, где она впадает в Ладожское озеро.

Ходили мы по лесным дорогам в полном одиночестве, в лесу было полно ягод, грибы наверно тоже были, но не запомнились, а вот ягод было немеряно, целые поля и самых разных. На ночевку всегда выходили к реке, готовили пищу на костре. Все было замечательно, у нас уже был опыт и все получалось просто и легко. Сколько дней мы шли я не запомнил, в конце концов мы вышли к Ладоге. Я запомнил последние моменты. Был какой-то очень непроходимый лес, покрытый молодняком под высокими соснами, мы уже шли не по дороге, а прямо по лесу. Озера еще не было видно, но по каким-то признакам было полное ощущение, что оно рядом. Вот это ощущение я почувствовал и оно меня удивило. И наконец мы вышли на берег прямо из леса. Берег был плоский и совершенно пустой. Было не очень жарко, как и вообще все дни. Вода была до горизонта. то есть на вид озеро ничем не отличалось от моря.

Недалеко мы обнаружили пограничную вышку, залезли на нее и осмотрели окрестности. Ничего примечательного не было, абсолютно пустое место и море рядом, в котором, однако, купаться не хотелось. Костя меня сфотографировал на память, сидящим на берегу, а потом я подписал эту фотку так: "На берегу пустынных волн сидел он дум великих полн и вдаль глядел". Как мы добрались с Ладоги обратно в Ленинград совершенно не помню. Скорее всего мы вышли в какой-то поселок, сели на автобус и приехали.

Начался новый период – знакомство с Ленинградом. Мы поступали так. Вечером выезжали на электричке на станцию Кавголово, проходили небольшое расстояние до озера, разбивали палатку и ложились спать. Утром, умывшись в холодной воде, снова все заталкивали в рюкзаки, приезжали на вокзал, сдавали рюкзаки в камеру хранения и шли изучать город. Программа была стандартная, как у всех. Первым делом, конечно, Эрмитаж. И тут меня постигло разочарование в том плане, что попав впервые в Эрмитаж, я не увидел ничего нового. Все картины, которые висели на стенах, были мне давно знакомы и по сюжету изучены до мелочей. Оставалось только изучать технику письма, рамы и сами залы. Все это, конечно, тоже производило впечатление. Позднее такое же ощущение дежа-вю было в Будапеште и Дрездене.

Дело было уже в середине августа, и в тот год в Ленинграде было удивительно хо-

лодное лето. Мы стали замерзать в палатке. Но что запомнилось, так это удивительно красивые сны, в которых все было ярко и тепло, в то время как реально приходилось одевать на себя по максимуму все что было и залезать в самодельный спальный мешок с головой. Косте было немного легче, у него спальный мешок был настоящий. Его отец был известным альпинистом, и туристическое снаряжение было наилучшим по тем временам.

В конце концов, в какой-то момент нам пришлось прибегнуть в плану В. У меня был адрес в Ленинграде, по которому жил какой-то мамин дальний родственник, с которым была плохая связь, но мама сказала, что он ее помнит. Мы пошли по этому адресу проситься на постой. Все получилось замечательно. Николай действительно помнил маму, он нас впустил и ему было интересно узнать у меня про всю его свердловскую родню. Так что остальное время мы ночевали уже в тепле и в нормальных условиях. Николая я после этого эпизода ни разу не видел.

В Ленинграде я случайно встретил Юру Бойко с девушкой, одного из моих школьных друзей-поэтов. Он, как обычно, стрельнул у меня три рубля, которые потом так и не отдал. И еще мы очень удачно съездили в Петергоф, как раз был праздник фонтанов на закрытие сезона. Работали все фонтаны, а вечером, когда стемнело, был салют. В тот день казалось, что весь Ленинград находится в Петергофе, народу было очень много. Я потом еще не раз был в Петергофе, но снова первое впечатление оказалось самым сильным и все было грандиозно.

После этой поездки тоже осталось много фотографий, лучшие из них также попали в сводный альбом, но я сделал еще и отдельный альбом из фотографий стандартного размера 12*9. К сожалению качество их обработки оказалось не таким высоким и многие за 40 с лишним лет сильно изменились не в лучшую сторону. Эта поездка была менее захватывающей, но очень полезной в плане развития, так как я впервые познакомился с двумя столицами Родины.

Турпоход по Карпатам и Одесса, лето 1966 года.

После четвертого курса у ребят летом были военные сборы и вместо турпоходов у них были совсем другие игры. Я же был освобожден от армии. У меня был красный военный билет необученного солдата и я фактически никаких планов и не строил. Но однажды, поговорив с Галей Безмельницыной, я вдруг узнал, что они с ее подругой Таней Шадринной хотят посмотреть Карпаты, но им нужно где-то купить путевку и они не знают где. Галя нравилась Косте и он слабо за ней ухаживал, поэтому она к нам тоже была достаточно близка, а Таню я тогда знал мало. Я, недолго думая, предложил девушкам поехать в Карпаты дикарем. Я все умею и всему их научу, так что это будет даже лучше, чем по путевке.

Они согласились и мы втроем поехали в Карпаты. Естественно были прочитаны нужные книги, составлен маршрут, мы знали куда нам надо идти и что делать. Это все они сделали еще до разговора со мной. План был такой, что едем мы надолго, походим по Карпатам, а потом доберемся до Одессы и постоим там на берегу моря. Но непосредственно из Свердловска мы поехали в Львов, потому что девушкам хотелось посмотреть город. Приехав, мы сдали рюкзаки в камеру хранения и пошли гулять. Прогуляли до вечера, а потом у нас возникла проблема с ночлегом. Девушки хотели прокантоваться на вокзале, но там было неудобно. Тогда я предложил поехать за город на электричке, как мы это делали с Костей.

Приехали мы на какую-то станцию уже в темноте, и девушки испугались идти в лес, пришлось уговаривать. Сразу выяснилось, что Галя – человек коммуникабельный и сговорчивый, а Таня очень капризна и избалована. Мы решили далеко не ходить, разбили палатку и легли спать. Нам все равно предстояло жить в палатке долгое время, так что надо было привыкать. Спали мы втроем в одной палатке, не очень раздеваясь, и без секса. Никакой любви между нами не было, а распущенность в те годы тоже отсутствовала. Никто никого не провоцировал, и все было замечательно, хотя конечно обниматься приходилось, особенно когда было холодно. Отлично выспавшись мы вернулись назад, купили билет в Карпаты, и в назначенное время я навсегда покинул Львов, больше я в нем никогда не был.

Но был один инцидент, он состоял в том, что я забыл фотоаппарат. Девушки вообще фотографией не занимались и мы оказались без фотоаппарата. Было решено купить новый фотоаппарат из тех денег, что у нас были собраны на путешествие. Я обещал взять его себе, а им вернуть стоимость фотоаппарата. Так и было сделано, и фотоаппарат конечно нам был необходим. Правда снова очень художественных фотографий не получилось, но фотографий было много. Наверно и сейчас они у меня есть, надо поискать.

Первый наш маршрут лежал по Черногорью с посещением самых высоких вершин Карпат: Говерлы и Петроса. Они обе находятся близко, почти рядом. Мы знали, что в поселке Ясиня есть турбаза и оттуда начинаются все маршруты по путевкам. Туда мы и приехали. Заплатив за стоянку какие-то копейки, поставили палатку и стали осматриваться. В палаточном городке нас заметил один парень, который приехал на базу один в расчете присоединиться к какой-то группе. Но это у него не получилось, групп не было. В конце концов он попросился к нам к компании, и мы согласились, у нас все равно была несимметричная компания, а так на двух девушек два парня и все симметрично. Поэтому переход из Ясиня в Рахов через Черногорский хребет мы совершили вчетвером. Все было замечательно, очень красивые горы, интересные села и вообще очень все интересно.

Были некоторые проблемы с Таней. Она просила чаще делать привалы, просила воды, хлеба. Привалы я разрешал, а хлеб и воду не давал. Я ей терпеливо объяснял, что если она хочет пить, то эта жажда не пройдет, если она что-то выпьет, пить захочется еще больше и так до тех пор, пока она не лопнет от воды. Что пить нельзя, нужно терпеть и не обращать внимания на жажду. А хлеб нельзя есть, потому что он рассчитан на весь переход и купить его потом будет нигде. Поначалу объяснения не помогали, Таня ходила надутая и очень на меня злилась. Впрочем через год они вдвоем поехали на Алтай по путевке и после возвращения Таня мне сказала спасибо за науку, так как у них в группе были такие-же нытики, как она была в Карпатах, и ей было смешно на них смотреть.

Мы шли по вершинам Черногорского хребта на высоте чуть менее двух тысяч метров, там уже не было леса, а были альпийские луга и самое сильное впечатление было от обилия брусники. Брусника занимала целые поля, и мы иногда все таки не выдерживали, делали остановку и наедались на всю оставшуюся жизнь. Погода была разная, были и дожди и солнце, но не помню, чтобы было очень жарко, хотя иногда наверно было. Все таки относительно большая высота. Западная Украина в то время больше походила на заграницу, чем может быть теперь и нам многое было в диковинку. Но каких-то смешных ситуаций не было, все было нормально и рассказывать не о чем.

В Рахове мы расстались с нашим попутчиком и нам предстоял еще один маршрут,

проходящий через озеро Синевир. Я забыл из какого поселка он начинался и в каком заканчивался. Мы прошли достаточно большое расстояние по лесам, озеро Синевир находилось примерно в середине маршрута. Из Рахова в стартовую точку мы добрались на автобусе, а из конечной точки также на местном автобусе добрались до Ужгорода, осмотрели город и затем на междугороднем автобусе проехали по границе с Румынией, а после пересели на поезд и через Кишинев попали в Одессу. Второй переход проходил по очень красивым лесам и главная проблема была в том, что везде стояли указатели о том, что в лесу водятся медведи. Встречу с медведем мы не планировали и очень ее не хотели, видимо поэтому нам повезло и медведя мы не видели. Мы шли вдоль каких-то мелких речек, чтобы была вода, иногда в поселках покупали продукты, но с собой у нас был запас на несколько дней.

У меня был огромный рюкзак, в котором была палатка дополнительно ко всему остальному. Девушки тоже таскали немало, то есть все свои вещи, плюс кое-какую еду. Тут можно сделать отступление и рассказать о том, что для меня вообще весь этот поход был чистой авантюрой. Дело в том, что за неделю до отъезда, когда все уже было запланировано, мы поехали купаться на реку Исеть. Я в то время учился плавать кролем и опускал голову в воду большую часть времени. На берегу был дикий пляж, тут же крутились моторные лодки и паслись коровы. На воде все время стоял гул от моторов, но я не обращал на него внимания.

Вдруг в один момент я почувствовал сильный удар в висок, сразу оказался под водой, по мне проехало какое-то тело и потом второй сильный удар в плечо. Оказалось, что в меня врезалась моторная лодка. На ней сидели два мужика, заднему ничего не было видно вообще, а передний сидел спиной и тоже мало что видел по курсу лодки. Они конечно почувствовали удар, развернулись и увидели меня в огромной луже крови, но на поверхности. Как у нас водится, мужики испугались и уплыли. Как я потом понял, меня спасло то, что лодка плыла перпендикулярно моему курсу, а я тоже плыл с какой-то скоростью. Лодка ударила меня носом в череп, в висок, но в кость. При этом кожа разрезалась до кости, но кость не треснула. Если бы чуть ниже, то мне пришел бы мгновенный конец. А дальше, пока лодка проплывала по моему телу, я переместился вперед и винтом меня задело уже в плечо. Опять же вся кожа была порублена как в мясной лавке, но кости были целы.

Я был довольно далеко от берега. Правая разбитая рука не работала, и вот я одной левой и ногами поплыл к берегу своим ходом. Я еще толком не успел испугаться и самочувствие было нормальное. Я благополучно доплыл, вышел из воды весь в крови, а на меня никто не смотрит. В это время стадо коров решило оккупировать пляж и люди разбежались, собирая свои нехитрые шмотки. Когда я подошел к своим, то все засуетились и очень испугались. Кое-как успокоив кровотечение, мы хотели найти медпункт в поселке, но было воскресенье, и он не работал. Пришлось срочно ехать в Свердловск, больше всех со мной возилась Галя. Я уже начинал плохо соображать от усталости организма. В конце концов меня доставили в дежурный травмпункт, пропустили без очереди и там меня аккуратно и удачно зашили. Швы на голове до сих пор прощупываются через волосы, а на плече шрамы проявляются только после загара.

Таким образом, всю неделю до похода у меня был постельный режим, я лежал и думал, ехать или нет. За неделю мои раны немного затянулись и я решил ехать. Впрочем лямка огромного рюкзака непосредственно рану на плече не задевала и все обошлось без ухудшения состояния. Это был первый случай, когда я чуть случайно не умер. Но я запомнил и еще один случай. Дело было на стройке киноконцертного зала "Космос".

Нас студентов иногда посылали и на стройки, не только на картошку. Делать мы ничего не умели, поэтому разнорабочими, и о технике безопасности тоже никто не думал.

И я запомнил такой случай. Я стоял на пустом месте внизу, то есть на земле. И вдруг я без видимых причин почувствовал какой-то дискомфорт, мне очень захотелось сделать шаг в сторону, просто так, без всякой цели. И я сделал этот шаг. Буквально в следующий момент на то место, где я стоял, упала железная болванка очень приличных размеров. Ее веса вполне было достаточно, чтобы меня убить. Оказалось, что надо мной на балке работал сварщик и что-то там приваривал. Стопка этих болванок лежала рядом с ним, никак не закрепленная. И одна болванка упала вниз. У меня шок был такой, что впору верить в бога. Или, как минимум, в ангела хранителя. Было полное ощущение, что меня предупредили каким-то сверхестественным способом.

В мире много чудес и я для себя выработал такую тактику, что если я чего-то не вижу, не знаю или не понимаю, то для меня лично это не существует. И не стоит морочить себе голову проблемами, которые не имеют решения. Вполне достаточно интересных проблем, которые можно решить, вот этим и стоит заниматься. И, тем не менее, как человека любопытного, меня интересует все, что нафантазировано людьми, включая и чистую научную фантастику и религию и псевдорелигии типа эзотерики. Я готов с этим познакомиться и принять к сведению на всякий случай. Но лично со мной мистический случай произошел только один раз, именно на стройке Космоса. Был и еще один случай, но я опишу его позже.

фото. 4. Снимок сделан в Карпатах во время перехода вдоль речки к озеру Синевир. Тогда цветные фотографии делать было сложно, приходилось искать красоту в черно-белом мире.

Однако вернемся в Карпаты. Само озеро Синевир очень хорошо запомнилось, и есть на фотографиях. Оно действительно очень красивое, по крайней мере было в 1966 году. Но я запомнил и другое. Таня

устроила очередной скандал, что я ей не даю хлеба. И она решила сходить в поселок за хлебом. Пока она ходила, я нашел прямо на берегу озера много грибов. Мы с Галей решили их пожарить. Масло у нас было, но не было посуды. Тогда решили использовать крышку от котелка на углях от костра. Углей было мало и они все время затухали, их приходилось раздувать. В конце концов грибы получились на славу, а тут и Таня принесла свой хлеб, который уже жевала. Мы предложили ей наши грибы, но она есть их не стала, ей стало неловко. Про Таню я потом сведений не получал. А Галя была замечательный человек, но у нее получилось так, что Костя уехал в Москву и забыл про нее. Тем не менее, она потом все же вышла замуж за какого-то родственника Егора Гайдара, который был потомком Павла Бажова и попала в общество незаурядных личностей. Надеюсь, что все у нее сложилось хорошо.

Еще был один эпизод. Мы разговорились с местным жителем, который нам попался на пути. Мы его спросили про его проблемы, а он в ответ спросил откуда мы, наверно из Москвы. Туристы в тех местах ходили редко, мы ведь были дикари. Мы ответили,

что нет, из Свердловска. Он сказал, что какая разница, мол это все равно рядом. Такой эффект наблюдается у западного населения, но тогда нам это было в диковинку. От Москвы до Свердловска такое же расстояние, как от Карпат до Москвы. Но для этого мужика дальше Москвы на восток уже ничего нет, все сплющивается, потому что он не знает о тех краях. Даже я, живя на Урале, не понимал расстояния между сибирскими городами, скажем Тюменью и Томском. Я никогда не был в Сибири, а карта не запоминается постоянно, да и никто просто так ее не заучивает. Я долгое время думал что Сингапур находится где-то под Индией и Австралия там где-то недалеко. В общем эффект такой есть.

Пожалуй стоит рассказать о моих переживаниях пока мы ехали на автобусе вдоль Румынской границы. Территория Румынии была видна через реку, а там родился мой отец. И вот я оказался совсем рядом от тех мест. Надо сказать, что дорога было отличного качества, и автобус очень хорошо и быстро ехал, а из окна можно было увидеть далекие от Урала места, совсем не похожие по колориту.

Приехав в Одессу, мы сели на нужный трамвай и поехали в Черноморку. Было уже поздно и мы просто вышли на берег, разбили палатку и улеглись спать. Утром нас разбудили пограничники и сказали, что здесь стоять запрещено. Пришлось нам срочно сворачиваться. Но, осмотревшись, мы увидели огромный палаточный городок в ста метрах от берега. Там нет леса, степь и все замечательно видно. Пришлось нам переместиться туда. Там мы провели много дней, периодически выезжая в город или купаясь в море. Вот что было удивительно. Мы совсем не сворачивали палатку, там никто так не делал, и мы тоже. Мы ее закрывали и уходили все, захватив с собой только документы и деньги. И ничего не пропало, никто не воровал. Местные боялись, так как лагерь был большой. А жители палаточного поселка придерживались заповеди, что если ты сам не украдешь, то и у тебя не украдут.

Про Одессу я ничего необычного рассказать не смогу, а описывать город нет смысла, в интернете можно найти полную информацию. Я помню, что именно там полюбил долго смотреть на догорающие угли. Мы готовили пищу на костре, продукты покупали в Черноморке, а вечером просто сидели у костра. Интересно также, что я там впервые увидел коренных украинок из деревенских, загорелых и породистых. Они еще в те далекие времена СССР говорили на украинском языке и это было необычно. После этого похода у меня на западной границе белым пятном осталась только Прибалтика, но потом и это пятно закрылось.

В последующие годы я бывал в Карпатах, но только в городах Черновцы и Ужгороде, на конференциях. Из Черновцов мы один раз ездили в горы. В Одессе тоже один раз был на конференции, причем жили мы именно в Черноморке и даже купались в конце октября в очень холодной воде. Во время конференции мы ездили на экскурсию в катакомбы. Но сам город в мелочах я узнал именно во время турпохода.

Северный Урал, первая половина 1966 года

Но я забежал немного вперед, чтобы закончить тему. А перед последним турпоходом был не менее интересный период. После зимней сессии начала 1966 года нам вдруг заявили, что во многих деревнях Урала, с сентября месяца не идут занятия в школах из-за нехватки учителей. Поэтому принято решение приостановить нашу учебу на полгода. А в эти полгода мы поедем в села Урала работать учителями в школах, причем нам за полгода надо будет пройти всю годовую программу. В советское время никто ни-

чему не возмущался, и все любой указ воспринимали как должное по принципу: партия сказала надо, комсомол ответил есть. Тем более, что в молодости все воспринимается как приключение.

Я уже не помню, сам я выбрал или так мне назначили, но меня направили в поселок Павда на северном Урале, недалеко от города Серов. Точнее из Свердловска поезд ходил только до Серова, а дальше уже на автобусе несколько часов. Я должен был вести уроки по физике и математике в 8, 9 и 10 классах вечерней школы. Мне объяснили как туда добираться и я поехал. Запомнилось как я ждал своего автобуса в Серове. Я тогда читал подряд Александра Грина с его алыми парусами и золотой цепью. А рядом был северный колорит автовокзала в виде избы с необычной печкой и каждый предмет был экзотикой. Хотя Павда находится на одной широте с Петербургом, но для Урала это уже север, там нет теплых морей, наоборот, уже близок Ледовитый океан

Автобус был небольшой и не очень полный. От нечего делать я смотрел по сторонам, места были очень красивые, много березовых рощ. Приехав в поселок, я получил адрес одной старушки, в избе которой я снимал комнату, но за все было заплачено. Интересно, что работали мы без зарплаты, так как нигде не были оформлены, но проезд и жилье нам оплачивали сверху. Это считалось нашей практикой, ведь университеты готовят учителей в школы. Павда был чисто деревянным городом. Там сразу приходят на ум слова популярной тогда песни Городничкого

А я иду по деревянным городам

Где мостовые скрипят как половицы

Там именно так и было. Весной стояла непролазная грязь и вдоль дорог были выстроены деревянные тротуары на некоторой высоте от земли.

Одновременно со мной в поселок приехал парень после окончания Ярославского педагогического института, он приехал по распределению работать там надолго. Кажется его сразу поставили директором дневной школы, а может и через какое-то время, но быстро. Он был очень активный, любил выступать и что-то организовывать. Он был нормальный парень, но ничего интересного я не запомнил. Помню только один эпизод. По случаю какого-то праздника учителя его школы устроили пикник на природе и он меня тоже пригласил. Там я познакомился с интеллигенцией поселка. Популярным развлечением было стрелять из настоящего ружья по банкам. Я фактически первый и единственный раз пострелял из настоящего ружья. Ружья у них были у всех, в лесу водились медведи и разный другой зверь.

фото. 5. Снимок сделан в поселке Павда, во время моей работы там учителем в школе. Я стою справа, остальные люди тоже учителя, мы все находимся на пикнике в выходной день.

Что еще там было интересно, так это вид на горизонте. Он был завораживающе красив. Сам поселок расположен низко, но на горизонте был виден самый высокий на Урале горный хребет, весь покрытый лесом.

Сейчас в интернете нетрудно узнать, что высота там 1500 метров, тогда я этого

не знал, но панорама медленно поднимающегося вверх леса, который из-за этого был очень далеко виден, завораживала. Жалею, что я не прихватил туда фотоаппарат, как-то не думал об этом. Я вообще фотографирую только в турпоездках, так привычка и осталась на всю жизнь. Сейчас там оказывается есть турбаза, а тогда не было.

В школе приходилось использовать неординарные методы. Я вел обучение практически на университетский манер, то есть просто читал лекции. Полагалось половину урока давать новое, а половину закреплять старое. Но мне надо было два урока проводить в один, чтобы успеть пройти всю программу. Поэтому я только давал новое и ничего не спрашивал. На вопросы конечно отвечал, но отметок не ставил. Мои ученики были такого же возраста, как и я. Это все были молодые люди, которым по каким-то причинам нужны были деньги, поэтому они работали, а учебу они заканчивали по вечерам. Я тоже работал вечером, а днем я был свободен. Готовился я так, что просто читал учебники и отмечал что именно надо рассказать. Старался рассказывать интересно, потому что ребята от монотонных лекций засыпали, надо было рвать монотонность.

Вообще сразу должен сказать, что моим ученикам повезло, потому что рассказывать понятно и интересно я умел сразу, никто меня этому не учил, как-то само получалось. Еще раньше был такой случай. На практических занятиях по какому-то предмету преподаватель нас заставлял самим себе читать лекции. Он давал тему всем по очереди и каждый должен был объяснить эту тему остальным, а преподаватель просто сидел и слушал. Когда дошла очередь до меня, то он возбудился как Державин перед Пушкиным и сказал, что такого понятного и четкого объяснения материала еще никто не делал за всю его практику. Поэтому ребята удивлялись откуда я такой умный и старались слушать. Посещаемость была нормальная, все хотели учиться.

Но не все было так просто. Были весенние каникулы, и я поехал к родителям в Свердловск. Погостил дома какое-то время, и мне надо было возвращаться. А я, как назло, видимо чуть простудился. И вот новая неудача, в купе поезда, в котором я ехал почти сутки, и ночью тоже, плохо закрывалось окно, а было еще холодно. И я замерзал по черному. Приехав в поселок я почувствовал себя еще хуже, открылся постоянный глубокий кашель, который не лечился никакими таблетками, поднялась температура. Я пошел в больницу, которая была в поселке, тем более, что одна из моих учениц там работала. Меня осмотрели и сразу положили в палату и стали колоть лекарствами. Оказывается у меня уже началось воспаление легких.

Я пролежал в больнице недели три, точно не помню. Правда самочувствие быстро восстановилось и было вполне сносным, но курс лечения надо было продолжать. Я лежал в комнате на двоих, у меня был сосед из местных, которому родня все время приносила посылки. А мне, естественно, никто ничего не приносил, поэтому он меня угощал некоторыми из своих запасов. Я запомнил только сало, оно было нежным и чертовски вкусным. Сосед объяснил, что они поросенка отпаивают молоком перед тем как заколоть. Наверно в разных местах земли есть свои методы, но меня удивило, что и на севере люди тоже любили вкусно поесть. В больнице кормили нормальной дешевой едой, типа селедки с картошкой, но я к тому времени уже ел все подряд и в любой еде находил удовольствие. Через много лет я лежал в московской больнице, там еда была не лучше.

Правда один или два раза мои ученицы все же ко мне приходили в больницу и даже компот принесли. Это было трогательно, и я запомнил. Впрочем для деревни я был посланцем другого мира, тем более, что через год я уже жил в Москве. Чтобы как-то занять время, я занимался расчетами по своей курсовой работе. Это отдельная история,

я ее тоже расскажу.

Еще в начале третьего курса в один прекрасный день Костя мне сказал, что нам пора начать заниматься научным творчеством, тем более что и курсовая скоро. У них в гостях был Цидильковский и он согласился взять нас в свою лабораторию попрактиковаться. Надо, так надо, к тому времени Костя уже определял мою жизнь практически полностью, а я не был против, потому что все вполне соответствовало моим интересам. И вот в один прекрасный день мы появились в Институте Физики Металлов УРО РАН. Это был самый лучший научный институт в Свердловске, а Цидильковский был одним из самых ярких экспериментаторов в нем, точнее руководителем большой лаборатории. Впоследствии он стал академиком РАН.

Нас приставили к каким-то дядям. Как Костя потом написал, ему надо было придумать новую модель паяльника, а меня сразу посадили наматывать проволоку на катушки. Потом по этой проволоке пропускали ток и получался магнит. Так как я умел шить иглой и вышивал, то руки у меня уже были натренированные. Я катушку намотал хорошо. Мой наставник был очень рад и стал всем хвалиться, что у него есть такой помощник. Вскоре стали приходить другие дяди и просить им тоже намотать соленоид, от качества прибора зависит качество эксперимента, а в науке многие приборы делаются в единичном экземпляре и руками, по-крайней мере, делались раньше. Мне это стало надоедать. А вскоре я узнал, что Костя переходит в теоретики. Я естественно тоже сказал, что хочу в теоретики.

Цидильковскому было все равно, тем более, что в его лаборатории теоретики тоже были. В конце концов нас обоих приставили к молодому теоретику Герману Харусу. Это был удивительно мягкий и интеллигентный человек, он никогда не показывал своего превосходства, всегда разговаривал ровно и уважительно, даже с такими сопляками, как мы. И мы стали к нему ходить за получением задач и для предъявления их решений. Он работал и с Костей и со мной одновременно, но давал нам разные задачи. Узнав, что мы на полгода уезжаем, мы естественно попросили задачи посложнее и он нам дал вполне научные задачи, которые при их решении и опубликовать было не грех, но этого не случилось. Мне попала задача по электронной структуре полупроводника с примесями. Интересно, что больше я полупроводниками никогда не занимался, но кое-что понимал на семинарах именно благодаря этой работе.

И вот, лежа в больнице, я не просто решил написать формулы, но и вычислить по ним кривые и нарисовать графики. Я и раньше любил рисовать, а рисовать графики для меня потом стало отдельным хобби. Я написал огромное количество собственных программ по рисованию графиков самого разного вида, которые не уступали, а часто и превосходили профессиональные и платные программы. А тогда я все расчеты делал на логарифмической линейке, сидя на больничной койке, а графики рисовал карандашом на миллиметровке. Потом Герман сказал, что я перестарался, что так подробно делать не требовалось. Но, как оказалось, это уже был мой стиль научного творчества. С самой первой работы и до самого конца я всегда делаю больше, чем требуется. Более того, стараюсь делать предельно аккуратно. А заканчивается это тем, что вдруг какая-то точка на графике отскакивает от остальных. И покопавшись, я открываю новый эффект. А формулы начинаю писать только после проведения численных расчетов.

В конце концов я выздоровел и прочитал моим студентам лекции по учебникам старших классов школы. Но в десятом классе еще надо было принять выпускные экзамены, мне в этом помогали и учителя дневной школы. Мы договорились так, что если человек ничего не ответил – ставим три, а если ответил – четыре. Ни пятерок, ни двоек не

ставим. Двойки ставить нет смысла – все ученики на занятия ходили и все равно все прослушали. Ну не сразу поняли, так потом поймут. А пятерки тоже нельзя ставить – не знают они на пятерки. Таким образом лихо приняв экзамены, я вернулся в Свердловск победителем.

Правда был еще один интересный момент. В мае вдруг на северном Урале установилась солнечная погода. Не жарко, но солнце было. И я повадился в самый полдень на два часа залезать на крышу бабкиного сарая и загорать. Кончилось это тем, что я приехал с севера загорелый, как будто был на юге. В молодые годы я очень любил загорать и если было солнце, то бросал всякую работу и бежал загорать. Поэтому уже к началу летнего сезона всегда был загорелый. С годами это прошло и сейчас я загораю только на берегу моря. Компьютер испортил характер и заполнил всю жизнь, но я не жалею. Жизнь в интернете открыла такие горизонты, о которых раньше даже и не мечтали.

Кое что еще.

Мы проучились сессию конца 1966 года и у нас оставались кое-какие занятия и дипломная практика. Не помню точно в какой именно день, но однажды в начале 1967 года Костя мне сказал, что его отец договорился с братом, академиком Исааком Кикоиным, о том что Костя будет делать дипломную практику в Москве, в Институте Атомной Энергии им. Курчатова, как раз в кикоинском отделе. Но Костя попросил, чтобы меня тоже взяли. Это получилось и выглядело вполне красиво. Я был лучший студент на курсе, а Костя не намного от меня отставал, так что никакой семейственности, просто лучших забрали в Москву. Костя меня проинформировал и просил поговорить с родителями. Отец не возражал, ведь это всего на полгода, я уже был на севере, теперь в Москве. Тогда он еще не знал, что это на всю жизнь.

Про московскую жизнь я буду писать отдельно, а чтобы закончить эту часть, я расскажу о кое-каких событиях из свердловской жизни. Во время учебы в университете я еще довольно часто общался со своими друзьями поэтами Юрой и Сашей. Они как-то быстро обзавелись подругами, с которыми познакомились на своем курсе на филологическом факультете. Их звали Люда (фамилию забыл) и Света Каменщик. Девушки были внешне очень интересными, но Люда была относительно крупных размеров, а Света поменьше. Я почему то всю жизнь любил женщин небольших размеров, поэтому Света мне нравилась больше. Таким образом наша компания увеличилась. У меня своей девушки не было, но однажды на какую-то вечеринку Света пригласила свою подругу, и когда все пошли гулять, я оказался с ней. Мы хорошо погуляли, я ей что-то рассказывал, ей было интересно. А потом мы сели на скамейку, и я вдруг решил ее поцеловать. Дождался подходящего момента, когда это было удобно и все получилось.

Но к моему удивлению она сильно огорчилась, сказала, что я все испортил, я оправдывался, говорил, что я не хотел ее обидеть, я готов взять поцелуй обратно, но дальше все было уже намного скучнее. Я не особенно и переживал, мелкое дело. Однако через какое-то время мы снова встретились и пошли гулять, были только Юра со Светой и Света снова была с ней. Была осень и довольно холодно, чтобы согреться мы заходили в подъезды домов. Стоять вчетвером Света не захотела и потащила Юру в соседний подъезд. Мы остались вдвоем и я снова решил ее поцеловать. На этот раз она не только не сопротивлялась, а проявила такую страсть, какую я никак не ожидал. Она кусала мне губы прижималась изо всех сил, это было приятно. Затем Света с Юрой пришли снова, мы едва успели отклеиться. Затем они опять ушли и мы снова взяли за свое.

Этот ее поступок меня сильно удивил и я его запомнил.

Но я был не из тех, кто кричит "Не хочу учиться, а хочу жениться". Я как раз хотел учиться и я понял, что продолжать эти отношения нельзя, мне это не нужно. Кажется так и получилось, я не запомнил имени этой девушки и кажется больше ее никогда не видел. Но была и другая девушка. Это была вообще странная история. Как-то летом я остался один и решил съездить на озеро Шарташ искупаться. Там у нас был вполне приличный пляж с песочком, играла музыка и все было вполне пристойно по тем временам. Тогда была мода купаться в ластах. У меня были ласты. Я в них довольно далеко заплывал и быстро плавал. И вот в воде на большой глубине вдруг ко мне обратилась девушка и спросила как это я так быстро плыву. Я сказал, что на мне ласты. Она попросила дать их ей попробовать. Я прямо в воде снял ласты и отдал ей. Сказал где я сижу и поплыл к берегу, купаться мне уже надоело.

Через какое-то время она подошла и вернула мне ласты. Я на нее посмотрел и она мне как-то сразу понравилась, она немного походила на мою будущую жену. Я решил попробовать познакомиться и предложил ей встретиться вечером в городе. Она согласилась и мы действительно встретились, посидели за столиком в небольшом кафе при центральном продуктовом магазине в центре на улице Вайнера, очень интересно поговорили. Мне не хватало времени встречаться с девушками, да и не очень было интересно. Поэтому опыта никакого не было. Для меня вообще девушки в то время были terra incognita. Но с ней я начал встречаться. Мы ходили по вечерним улицам и разговаривали, даже не целовались. Это было какое-то странное общение. Она почти ничего не говорила про себя, я ее к себе домой тоже не приглашал, не такая у нас была квартира. Но в конце концов она кое-что про меня узнала, а я узнал, что она живет в общежитии и не местная. Но где работает, чем занимается – ничего не говорила. Я помню, что она меня очень удивляла тем, что совершенно не знала физики и астрономии.

В частности, мы гуляли при полной луне и она не знала о луне практически ничего. Но наступила поздняя осень и стало прохладно гулять. Мы еще продолжали это занятие какое-то время, хотя становилось все менее интересно. Учеба требовала все больше времени. И в один прекрасный день она не пришла. Я решил узнать в чем дело, нашел ее общежитие, а потом и ее. Оказывается у них собралась вечеринка и она тоже выбрала из двух дел то, что ей было интереснее, то есть выпить. Я обиделся и больше мы не встречались. Но это еще не конец истории. Уже после работы в школе на севере в один из дней зимой она меня вдруг увидела в трамвае и подошла. Мы снова поговорили. Я ей рассказал про себя, она оказывается тоже уезжала на какой-то срок и только недавно вернулась в Свердловск. И эта встреча была окончательно последней, вскоре я уехал насовсем. Но почему-то я ее хорошо запомнил, хотя у наших отношений не было никаких перспектив, да и мы оба к этому не стремились.

А теперь расскажу о некоторых из своих свердловских друзей, которых я сразу потерял, переехав в Москву. Володя Любимов ушел от нас в МГУ после первого курса. Он окончил МГУ и так как не имел московской прописки, то его распределили в подмосковный наукоград Черноголовка. Этот поселок и в моей жизни сыграл и продолжает играть огромную роль. Так оказалось, что он одно время работал с Любой Манаковой, которая впоследствии стала сотрудником нашего Отдела. Любимов стал хорошим физиком, ученым, но я с ним не общался. Один раз он выступал у нас на семинаре, и я его видел. Как рассказала Люба, он рано умер. Просто шел по улице, упал и не поднялся.

Витя Белиничер тоже ушел от нас после первого курса. Он определенно добился больших успехов, живя в Новосибирске, стал доктором наук и постоянно поддерживал отношения с Костей. Со мной тоже поддерживал отношения какое-то время, и в каждый приезд в Москву поначалу заходил в гости. Но один раз пришел неудачно, во время очередного скандала с Ларисой (моей первой женой) и больше в гости не ходил. По теме научной работы мы с ним очень разнились, он был ближе к Косте. У него тоже оказалась нестандартная судьба. После очередной научной командировки в Израиль он летел на самолете в Новосибирск. И это оказался тот самый самолет, который сбита украинская ракета. Об этом инциденте много писали в газетах.

У Вити была теория об исключительности нашего поколения. Либо мы будем первым поколением, которое будет жить при коммунизме (это обещал Хрущев), либо будем последним поколением на земле в случае атомной войны (ее тоже чуть не развязал Хрущев). Его судьба действительно оказалась исключительной – погибнуть от ракеты союзной республики.

Я писал выше про Лиду Эдельштейн. Она вышла замуж за Гришу Минькова и они до сих пор вместе, правда я мало о них знаю. Интересно сложилась судьба у Любы Рыжик. Люба была тем уникалом, которая сдала вступительные экзамены в университет на все пятерки и получила 25 баллов. Я сам получил только 22 балла. Но потом она училась не сказать, что плохо, но и не хорошо, а как получалось. Ей сразу понравился Вова Шур, и она упорно его добивалась. В их отношениях были взлеты и падения. И в один из моментов неудачи она мне открытым текстом сказала, чтобы я пригласил ее в кино. Мы были в общей компании, часто виделись в компании, но вдвоем не общались.

Надо, так надо, я пригласил ее в кино, кажется это было на Уралмаше, далеко от центра. Кино я не помню, но после кино мы с ней сели на скамейку и просидели часа четыре, оживленно обмениваясь новостями. Из ее рассказов я запомнил историю про ее недавнюю поездку в Прагу и про то, как они там обнаружили, что все женщины ходят в платьях выше колен. И им пришлось прямо в гостиннице резать свои платья, чтобы не отстать от моды. Это было в самом начале моды на короткие платья у женщин. Эта мода продержалась все 60-е годы. Если посмотреть фильмы тех лет, то в этом легко убедиться. Вообще в конце 50-х и в 60-е годы мода имела огромное значение. Мужчины то носили платки под открытым воротом рубашки, то узкие галстуки, то широкие, то узкие брюки, а то клеш на полметра. То отпускали бакенбарды, то наоборот. Причем все вместе и сразу. У женщин тоже были свои течения, но о них я знаю меньше.

Люба не была в моем вкусе, она не походила на Иру, мой недоступный идеал. Тем более, я знал о ее отношении к Вове, поэтому никаких инициатив не проявлял и больше мы вдвоем не общались. Впоследствии Люба все таки женила Вову на себе и перешла жить в большую квартиру его родителей. У них появились дети. А потом у Вовы оказалась молодая любовница из тех, кто с ним работал в университете. Она по собственной инициативе устраивала Любе скандалы по поводу того, что та должна бросить мужа. Люба готова была все прощать и бросать мужа не собиралась. Но кончилось тем, что Вова сам ушел из квартиры, а Люба продолжала жить с его родителями. В конце концов она нашла себе нового мужа. Я все это знаю из ее рассказов, она приезжала в Москву, приходила к нам в гости.

И Вова и Гриша – доктора наук, очень известные ученые. Однажды Вова летел в Америку в командировку, и вдруг неожиданно поднялись цены на билеты. Он обратился к Косте за помощью, но у Кости денег не было. Тогда он позвонил мне. У меня всегда были лишние деньги, я не люблю жить без денег и трачу меньше, чем получаю. Я дал

ему денег. Через какое-то время он мне их вернул, но тоже через Костю. Вова и Гриша живут в Екатеринбурге.

А сам Костя сейчас живет в Израиле, кроме работы физиком (доктором наук), он издает книги стихов и прозы, является членом союза писателей Израиля. Он до сих пор ежегодно ездит в Екатеринбург, в свою квартиру, где живет его сестра. Я тоже ездил к родителям, но они очень рано выехали из Екатеринбурга в Орел и я перестал ездить в Екатеринбург. Я вообще не люблю ездить, мне хватает старых впечатлений. Но ездить все равно приходится. Вот эти слова я пишу, будучи в Гренобле, очень интересном городе Франции, в котором я прожил в общей сложности более двух лет в командировках. Но это по делу. А для своего удовольствия я могу по несколько дней не выходить из своей московской квартиры, тем более, что у меня пока есть такая возможность и есть свой кабинет.